

Бурлаков Геннадий
Трилогия
«Материализация легенды»
Том 1

Островитянка

Серия романов
Архипелаг Монте Кристи

Геннадий Бурлаков

**Островитянка. Трилогия
«Материализация легенды». Том 1**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бурлаков Г. А.

Островитянка. Трилогия «Материализация легенды». Том 1 /
Г. А. Бурлаков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Как можно представить себе возникшего из ниоткуда нового графа Монте-Кристо? А почему именно графа, а не графини? Или принцессы? Главное не титул, а наличие средств и возможностей, ненависти и любви, стремлений и тормозов. Ну, и сказки, - само собой, - светлой Сказки! Лично я не теряю надежды на продолжение.

Содержание

Обращение к читателю:	5
Чат. Первый контакт. 001.	6
Олег. Город. 001.	8
Лайнел и Сеон. 001.	12
Юля. Группа.	18
Олег. Полет. 001.	20
Олег. Под водой. 001.	24
Юля. Дома.	27
Олег. Туннели Острова. 001	32
Чат-002. Новый контакт.	35
Олег. Полет. 002.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Обращение к читателю:

В произведении описаны события, имевшие место в реальности: в настоящем и прошлом. Фотографирование и видеосъемка на описанном объекте и вокруг него категорически запрещены законом под страхом смертной казни, потому исключительно чтобы разнообразить скучный текст использованы иллюстрации, взятые совершенно из других мест, лишь отдалённо похожие на описываемые события: фото, карты, имена, лица.

Все совпадения: в описаниях, фото, названиях и именах собственных – с любыми, о которых Вам известно, – случайны и непреднамеренны, т.к. открывать и распространять истинную информацию о любых объектах, механизмах, людях и пр., описанных в данном литературном произведении, запрещено законом. Заранее приношу извинения за возможные совпадения. Предупреждаю сразу – при любом совпадении: Вы ошиблись!

В настоящее время готова трилогия «Материализация легенды» из серии романов «Архипелаг Монте Кристи»:

Островитянка.

Отряд.

Гвардия Принцессы.

Лично я не теряю надежды на продолжение серии романов «Архипелаг Монте Кристи».

Чат. Первый контакт. 001.

YA: – Привет! С Новым годом! – высветилось сообщение чата.

Ю.Ш.: – ПрЕвЕдМеДвЕд... С Новым годом! Кто ты? – стандартно поздоровалась Юля.

YA: – Человек! – пришел гордый ответ.

Ю.Ш.: – Уверен, что не редиска?))) – улыбнулась в ответ.

YA: – Уверена. Я девушка! – грозно, но деликатно виднелось из чата.

Чашка теплого чая приятно грела руку. Теплый плед, укрывающий ноги сидящей в кресле девушки, сползал на пол и она его подтянула.

Ю.Ш.: – Как тебя зовут? – незнакомый контакт, как всегда настораживал Юлю, но не отталкивал.

YA: – Я не люблю называть свое имя так сразу. Я тебя еще плохо знаю. Ты Юлия Шахова, и учишься на лечебном факультете?

Ю.Ш.: – Да. А откуда ты меня знаешь? Я НЕ ЛЮБЛЮ общаться инкогнито!!! Скажи? хотя бы учишься ли ты в мед? А потом я отвечу на все твои вопросы! Скажу одно, – пока, – я студентка 3 курса!

YA: – Я там немного знаю и дружу на разных сайтах. Хочу остаться инкогнито и кое-что спросить. Можно? Страничку твою в социальной сети нашла.

Ю.Ш.: – Я закрыла свою страничку. Ты разве в друзьях у меня добавлена? – Юля вспомнила, почему она закрыла свою страничку. Как сначала Кирилл спамил ее своими тупыми объяснениями в любви, а потом как его друг Виталик лошил ее на ее же доске объявлений. Нет уж! ВигВам, мальчики.

YA: – Не. Я взломала твою страничку и глянула.

Ю.Ш.: – КАК ВЗЛОМАЛА? ... – от такого бесстыдного признания Юля потеряла дар речи. Даже руки сползли к чашке чая с клавиатуры.

YA: – Очень просто. Ты не волнуйся. У меня это происходит на полном автоматизме. Я не только тебя взломала. Я просто кое-кого ищу? – появился на экране бесстыдный ответ.

Ю.Ш.: – Ты хакер? – знакомых хакеров, у Юли не было, и поэтому взлом немного померк, по сравнению с возможностью подружиться с настоящей девушкой хакером.

YA: – Наверное. Уверена, что сейчас меня ищут многие люди. Но речь не о том...

Ю.Ш.: – Ты кого-то ищешь?

YA: – Да. Только если тебя спросят, никому не говори. Обещаешь?

Ю.Ш.: – Обещаю.

YA: – Мне нужно связаться с одним твоим преподавателем. Его зовут Волков Анатолий Андреевич. К сожалению, он мало пользуется интернетом, и я не могу с ним связаться.

Ю.Ш.: – Да, знаю такого. Старый дедушка, не до интернета ему уже. Хотя студенток говорят, все еще вызывает на частные экзамены. Что же ему передать?

YA: – Очень важно чтобы ты никому об этом не рассказывала. Я много сил приложила, чтобы остановить запись всех логов нашего общения и снять все наблюдения с этого канала связи. Если ты согласишься, я даже могу заплатить тебе за правильное выполнение задания.

Ю.Ш.: – Сколько?

YA: – Скажем 200\$. Но учти, если ты кому-то расскажешь об этом, то твоя безопасность ...

Ю.Ш.: – Ну не преувеличивай. Я согласна. Что нужно передать? – любопытство уже начало играть на струнах невинной девичьей души. Да и насколько слышала Юля, многие хакеры страдали шизофренической манией преследования. Как говорилось на лекциях по психоанализу: личности, долго остающиеся в одиночестве начинают сильно преувеличить значи-

мость своей персоны в мировом масштабе, и, появляясь на людях, им начинает казаться что все за ними наблюдают.

YA: – Я не смогу незаметно для банков перекинуть денег только тебе и поэтому мне придется перечислить по 200\$ всем в твоей группе получающим стипендию. Скажешь им, чтобы они не распространялись особо. Теперь к делу!

Ю.Ш.: – М-да. На моей страничке не написано что я получаю стипендию, но думаю тут удивляться уже нечему. Слушаю внимательно!

В этот момент экран резко потух. Юля даже подпрыгнула, перевернув чашку с чаем на стол.

«Взломали меня!!!» – с ужасом пронеслось в голове, лихорадочно ища в темноте, чем выпить чай со стола, пока он не попал в клавиатуру. Но спустя мгновение лампочка настольной лампы тоже мигнула и погасла. Весь свет в квартире пропал, и какое-то время перед глазами стояла светящаяся картинка чата на экране. Видение постепенно рассеялось, и Юля увидела в окно, что в противоположном доме тоже нет света.

– Ну вот. Опять отключение электричества. Накрылась халява, – а в мечтах еще витало то розовое платье на лето, которые она хотела купить на случайные деньги. Заведя будильник на мобильном телефоне, и с помощью его свечения, Юля добралась до кровати и тут же заснула.

Утром, несмотря на вовремя кукарекнувший будильник, Юля все же опоздала на лекции. Все потому что, пробегая мимо банкомата, она проверила состояния счета и ... застыла минут на пять, к своему величайшему удивлению обнаружив там ... СЫР.!!!.)))) Ну, или свое новое розовое платье))))

Олег. Город. 001.

Белый снег растаял, обнажая печальную серую слякоть. Большие подмерзшие лужи соседствовали с еще не полностью растаявшими белыми сугробами, бывшими когда-то островками белого и пушистого, чистого снега. С крыши стекала вода по прозрачным, девственно чистым сосулькам. Но вот еще минутка, еще часок, и еще одна сосулька сорвется с края крыши и упадет в грязную лужу.

Олег вспомнил, как еще мальчишкой он сосал эту бесплатную, мороженую воду. Сейчас он бы не стал этого делать. Экология, понимаешь ли. Грязные осадки, загрязненный воздух, да и мало ли чего там еще. Меньше надо было слушать радио. Теперь вот такого простого детского счастья не позволит своему ребенку ни один родитель, и даже прохожий не поленится объяснить, что так делать не стоит.

– Ну и хрен с ней, с экологией, – вдруг пронеслось в голове, и Олег схватил понравившуюся ему сосульку и быстро сунул в рот.

Собственно вкуса он не почувствовал. Вода как вода. Но, только подумав об этом, Олег вынул сосульку из рта, с брезгливостью поморщился, отплеваясь. Меньше надо слушать радио. И с этой мыслью он бросил сосульку в понравившуюся своими размерами лужу и побежал к ближайшему ларьку за минералкой или пивом, так сказать полоскать рот.

Уже подходя к ларьку, он вспомнил, как совсем недавно они с другом спорили, что там в этой минералке. В конце разговора, проанализировав экономическую и политическую ситуацию в стране, демографическую проблему, количество минеральной воды в подземных источниках, и ценовую политику компаний, – как торгующих минералкой, так и нефтью, – решили, что в этих дешевых баклажках не что иное, как вода из под крана. Эта мысль опять вызвала небольшое чувство брезгливости, и не столько к баклажке «изподкрановки», сколько к себе. К человеку, который не может позволить себе ни дорогой минералки, ни хорошего пива, ни даже недельного отпуска в Крыму.

С детства Олег считал, что человек должен честно и открыто говорить людям правду. И как верноподданный своих убеждений, он не раз говорил правду всем подряд. И воспитательнице в детском садике, что нехорошо ей позволять ее сыну забирать у всех их личные игрушки. И учительнице в школе, что нехорошо целоваться с папой его друга. И даже начальнику на работе, что неплохо было бы к Новому году какую-никакую премию всему отделу выписать.

Как назло, все эти подлые люди не выносили правды. Воспитатель в детском садике высмеивала его, когда он описался во сне во время тихого часа. Учительница в школе чуть не оставила на второй год, – доучивать геометрию. А про начальника и говорить вообще нечего. По простоте душевной, Олег решил еще добавить шефу, что и спать с секретаршей тоже не стоит. И теперь вот, стоя перед киоском и пересчитывая оставшуюся в кармане мелочь, он понял. Действительно не стоило говорить им правду. Глупо как-то, по-мальчишески.

Мелочи как раз хватило на бутылку минералки. И уже прополоскав рот и, допивая воду, Олег вдруг вспомнил, что деньги то эти были на проезд. Э-э-эх, ну и черт, с ними. Придется через полгорода пешком идти. Ну да не беда. Не впервой.

Гулять Олегу тоже было «брезгливо». Проходя мимо припаркованных тут и там иномарок, да еще так припаркованных, что приходилось буквально протискиваться между ними и стенами домов, хотелось выть от тоски. Ну почему у него, такого умного, такого честного и искреннего человека нет, и никогда не будет машины. Наверно я мало работал, пронеслась мысль. Да нет. Тут же пронеслась другая. И вспомнилось, как шеф две недели отдыхал на «больничном» в Альпах, а Олег оставался допоздна, чтобы к сроку подготовить отчеты. И

почему-то вспомнилось, как шефу почти сразу по приезду вручили премию за «гениальные» и главное быстро составленные отчеты.

Разглядывая какую-то, особенно яркую и светлую витрину с деловыми костюмами, вспомнилось как он, Олег, попытался пролепетать свою замученную и тихую правду. Вспомнилось, как жалко у него это вышло. Вот стоит Он, шеф в своем неизменном деловом костюме. И вот он, Олег, в своем затасканном вязаном свитере перед всем коллективом отдела пытается сказать, что это не шеф писал все эти отчеты. Что это Я, Олег. Но его тихого шепота никто не слышит. Не потому что никто не слушает. Просто шеф, как назло, открывает приготовленную бутылку шампанского, и секретарша Люба громче всех кричит свои глупые поздравления. Вот она, минута славы. И как всегда она не его, не Олега.

Легкий ветерок, как принято, загулял между домами, потянул за собой вечерний холод. С крыш постепенно перестало капать, а лужи явно готовые к такому повороту событий, стали затягиваться легкой корочкой льда. Совсем еще тоненькой и наивной, но почему-то Олегу не хотелось ее ломать. Хотелось обойти, переступить, и дать ей созреть и окрепнуть. И тогда, возможно завтра, эти лужицы станут настоящим катком, и можно будет прокатиться разок.

Но вот какой-то прохожий шагнул, и тонкая пленка льда треснула, не успев замерзнуть. И другой прохожий, шагнув в такт, пробил пленку на другой луже. Олег искоса смотрел на это смертоубийство и понимал, что никому нет дела ни до этих луж, ни до этого льда, ни до него. И даже друг до друга никому из этих прохожих, пожалуй, тоже нет дела. И хорошо еще, если завтра утром, дворник на своем участке или продавец на пороге своей витрины, не поленившись, посыплет солью. А иначе быть беде. И эти окрепшие замерзшие лужи смогут отомстить не замечающим их прохожим. Всем кто их не замечал, кто давил и разбрызгивал. Всем, но не ему. Олег со злорадством представил, как завтра будет кататься на этих лужах, а прохожие, засматриваясь на него, поскальзываться и падать.

Тихий шепот мыслей подсказывал Олегу, что все хорошо. Ничего страшного, что сегодня Ее не было дома. Завтра будет новый день, а вечером он обязательно встретит Ее около подъезда и обязательно пригласит в кино, или в цирк. Он уверен, что Ей обязательно захочется пойти с ним в цирк, ведь в цирке всегда продают мороженное и сладкую вату, там показывают таких забавных мишек, и всегда выступают смешные клоуны. Ему вдруг стало на много теплее и захотелось поскорее Ее обнять. А для этого надо поскорее добраться домой, лечь спать, чтобы завтра с утра пойти в офис. И там, в углу, за своим рабочим местом он будет ждать Ее, чтобы сказать: «Доброе утро». И, возможно, удача, наконец-то, улыбнется ему и среди писем, которые каждое утро разносятся Ею, окажется одно для него. Неважно, что это за письмо. Очередная рутинная переписка с поставщиками, порученная лично шефом, новые бланки отчетности под которые надо переделать все отчеты, начиная с начала месяца, или даже приказ про его увольнение. Из Ее рук все это будет принято с благодарностью и даже радостью, потому что он обязательно скажет ей «спасибо», а Она озарит его своей нежной и ласковой улыбкой.

Он давно хотел уволиться, но толи страх, что в другом месте его не примут, толи постоянные повторения шефа о том, какой Олег незаменимый работник, не давали сорваться с места и уйти. Но вот совсем недавно, вместо их постоянного курьера, в офис стала приходиться Она. Хрупкое создание с нежной улыбкой, на которую обратили внимание все.

Олег долго не решался спросить Ее имя, а потом уже было как-то неудобно. Но каждое утро он обязательно сидел за своим столом, ждал Ее прихода, и надеялся получить столь желанную улыбку. И вот он решил. Он проследует за Ней после работы, узнает, где Она живет и как бы невзначай устроит им встречу. Обязательно спросит Ее имя, пригласит куда-нибудь, а потом обязательно попросит Ее руки. Ведь его сердце давно уже было в Ее руках.

Витрины, машины, окна, люди, вывески быстро проносились мимо. Ноги сами несли Олега домой. Поскорей бы завтра. Вот уже и магазин бытовой техники, и магазин золотых украшений, у которого он стоял вчера пару часов. Вот книжная лавочка, с любимыми книгами.

А вот и небольшой, но очень дорогой ресторан, в котором Олег никогда с ней не был, и, наверное, никогда не будет. Что-то привлекло внимание в этом витраже дорогой жизни. Лощенные люди сидели за своими столиками и тихо разговаривали, при свете тихих ламп или горящих свечей. Официанты разносили изысканные интересные блюда, способные удивить своих посетителей. В глухом углу пела ласкающую, лирическую музыку немолодая женщина. Она увидела в окне Олега и слегка ему улыбнулась. Но не эта улыбка привлекла его внимание. В окне он увидел ЕЕ улыбку. Ту, которую он ждет каждое утро, и с мыслью о которой засыпает. Она сидела за дальним столиком у стены, с каким-то мужчиной, не узнать которого даже со спины Олег не мог. Это был он. Жизненный опыт Олега. Его слабость, нерешительность, надежда на лучшее завтра, и сожаление о пустом прошлом. Ни кто иной, как его шеф.

Ноги подкосились, и Олег тихо сел около витрины. Тысяча мыслей вопили в его голове, но все в миг замолкли и отступили перед увиденным. Улыбка Ее слегка смутилась, и Она подавалась вперед. Губки слегка вытянулись, и улыбка была съедена похотливым и жадным поцелуем. Дальше Олег смотреть не мог. С этого момента Она для него навсегда умерла. И дело совсем не в предательстве, которого не было, и не в мужчине, который сидел напротив. Просто после увиденного, она была уже не той о ком он мечтал. Идеал померк, и сердце готово было разрываться от переполняющих его чувств. В голове пульсировала только одна мысль, всегда возниковавшая у Олега, в момент сильных обид и разочарований.

– У меня есть пистолет, у меня есть пистолет... – Пронеслось в голове. Эта мысль всегда успокаивала Олега. Представляя, как он крепко берет пистолет в руку и стреляет в обидчика, – казалось, будто земля уходит из-под ног, – и все меркло и начинало кружиться. Домой уже не хотелось, и Олег просто сидел на тротуаре, облокотившись о стену ресторана. Словно темная туча, самые страшные мысли начинали накрывать его с головой.

Резкий звук визжащих шин на повороте, рокот мощного двигателя, и красный цвет сверх дорогой иномарки привлек внимание всех прохожих. Многие даже остановились, чтобы получше рассмотреть такое редкое чудо. Машина резко, с той же неповторимой чопорностью притормозила около дорогого ресторана. Водительская дверца открылась, и все еще больше удивились странному виду водителя. Низкий, тощий парнишка был одет в черный деловой костюм с дорогими острыми туфлями, но композицию нарушали красные волосы, торчащие клоками вверх. Взгляд с прищуром, легкая снисходительная улыбка, и цепкие глаза наводили непонятное чувство страха и тревоги. Казалось, хозяин машины немного не в себе. Резкие, непредсказуемые и между тем плавные и грациозные движения как бы выплескивали бурлившую в исполнителе силу, и сумасшествие. Прохожие, рассмотрев все в деталях, быстро заспешили по своим делам. Не известно, чего можно ждать от такого непонятного, пугающего типа.

Олег, казалось, не замечал происходящего. Он раз за разом представлял, как он входит в зал, достает пистолет и стреляет в шефа. Наводит пистолет на нее, и... Стреляет... Стреляет... На этой мысли все в голове переворачивалось и действие начиналось сначала.

– У меня есть пистолет... У меня есть пистолет... – Повторял про себя Олег снова и снова.

Станный парень в костюме подошел к Олегу, посмотрел на него внимательно и присел рядом.

– Что же ты нос повесил? Вроде такой молодой, здоровый парень, а расселся посреди улицы, как нищий. Вроде и работа у тебя есть, и на жизнь хватает, – спросил парень. Опустив руку на плечо Олегу.

От удивления Олег вынырнул из своих сладостных грез и сказал.

– Мне нужен пистолет.

– Всегда вам что-то нужно. То денег, то славы, то еще не поймешь чего. Все чего-то хотят. И всем срочно. И когда же вы, люди, поймете, что если вы чего-то сильно хотите, то вы этого обязательно добьетесь. И все зависит только от вашей силы воли и от вашей настойчивости. В этом мире нет ничего невозможного. Это мир бесконечных возможностей.

– Мне нужен пистолет! – более осмысленно и четко произнес Олег. Его желание совершить то, что задумал, и решимость крепили от того что кто-то все же оказался рядом. Кто-то присел рядом и смотрит на него. – Мне нужен пистолет, – повторил Олег, и опять представил, как он сжимает заветное оружие. Заходит. Видит испуганное и непонимающее лицо шефа. Медленно подходит к столику. Смотрит в ее испуганные и непонимающие глаза. Наводит пистолет и... Стреляет... Стреляет... Кровь. Вокруг кровь. И опять все кружится... И...

– Хорошо. Ты, как я вижу, так сильно этого хочешь. Твоя уверенность мне нравится. Держи. – Незнакомец протянул руку. В руке был пистолет.

Олег тупо уставился на протянутую игрушку. Точно такой, как он представлял. Только более четкий, более детальный. Пистолет был тяжелым, но удобно лег в руку, вселяя твердую уверенность во всем, что было задумано. Олег встал, подошел к дверям ресторана, и даже не оглянувшись на незнакомца, зашел внутрь.

Незнакомец сел на то же место, на котором сидел Олег. Достал сигарету, закурил. Из ресторана послышались испуганные женские вопли.

Самая маленькая лужица уже почти замерзла. Не то чтобы ей было сильно холодно, просто ей хотелось выделиться больше всех. Проявить себя хотя бы в этом. Ведь рядом была другая лужа, большая и страшная, которая не могла замерзнуть так быстро, но которая будь у нее такая возможность, обязательно проглотила бы маленькую. Незнакомец сидел рядом, слушал мысли и переговоры этих лужиц и пускал длинные тонкие струи дыма изо рта. Он ухмыльнулся своим мыслям, представив, как эти лужицы...

...Серия громких выстрелов задала ритм крикам в ресторане. Из дверей стали выбегать ближайшие к выходу люди, и разбежались в разные стороны. Следом за всеми вышел Олег. Лицо его не выражало никаких эмоций, глаза были пусты, и, казалось, ничего не видели. Несколько капель крови еще стекали вниз из прокушенной губы, смешиваясь со случайными слезами. Подойдя к сидевшему незнакомцу, Олег выронил пистолет на землю, незнакомец забрал его во внутренний карман. Посмотрев на землю, Олег увидел, что стоит в одной из так небезразличных ему луж.

Запоздало из ресторана выбежал охранник. Его крики и приказы остановиться и лечь на землю, казалось, слышали все кроме того к кому они были обращены. Олег резко развернулся к окну, чтобы посмотреть на дело рук своих, но отвернулся и пошел прочь от всех. Прочь от всех и навстречу охраннику... Три судорожные вспышки боли остановили его. Отброшенное назад тело упало как раз у ног незнакомца. Последний вздох выдавил из груди целую лужу крови. Еще одна прозрачная сосулька сорвалась с края крыши и упала в грязную лужу. Подбежавший охранник, казалось, не видел сидевшего рядом с трагедией незнакомца. Незнакомец встал, и каким-то непостижимым магическим образом прошел как бы сквозь охранника. Никто не увидел, как красная Феррари рванула с места и умчала в неизвестном на направлении.

Лайнел и Сеон. 001.

Лайнел восседал в глубоком кресле, попивая виски из огромного стакана. Кресло было намного больше чем он сам, и его собеседник занимал место напротив, в таком же кресле. Они изредка поглядывали друг на друга, но казалось больше были заняты своими бокалами, чем разговором. Сеон около столика с фруктами и напитками курил дорогую сигару, и ее раскуривание, а затем курение по всем правилам занимало довольно много его внимания, но нить разговора текла настолько же плавно, как и клубы дыма выпускались из-за рта. Они обсуждали ту работу, в которую сейчас превратилась занятость большей части образованных и умных людей нынешнего времени. Они обсуждали нажимания кнопок, а точнее работу на компьютере. Лайнел был практически и полностью сторонником того что работа с компьютерами на самом деле не является интеллектуальной работой, в то время как Сеон, уже весь последний час старался убедить его в обратном.

Лайнел: – Вы должны понимать, что никакая обезьяна не сможет выполнять того что может человек. Человек способен на творческий подход, имеющий в основании весь опыт своей жизни, все знания о человеке и человеческом обществе, что немало влияет и на саму суть и форму компьютерных операций. С обеих сторон компьютерного экрана находятся люди. Это и те, которые пишут программы, и те которые, их используют. И если с одной стороны вдруг сменить уровень интеллекта, то противоположная сторона обязательно это заметит.

Сеон: – Дорогой мой, вы чересчур возвышенно относитесь к человеку. На самом деле человек это ни что иное, как тот же компьютер, и вся его память и весь его опыт не более чем данные на жестком диске моего компьютера. Воссоздать подобную память, симитировать ситуации для накопления необходимого опыта и склада, так сказать характера, тоже ничего сложного не составит. А Ваш, с позволения сказать, творческий подход, ничто иное, как правильно выполненная работа компьютера с выбором из большего количества вариантов, чем способен себе представить среднестатистический обыватель. И ведь вы не сможете мне отказать, что Монну Лизу автор мог нарисовать и как-либо иначе. И Ван Гог мог не отрезать себе ухо, сложись у него жизнь по-другому. Это все брожение серого вещества между двумя ушами человеческих существ, в ходе которого в голове, как в калейдоскопе, складывается разнообразные комбинации из накопленных образов, из накопленного опыта. Причем, скажу я вам, чем больше у человека жизненного опыта, тем меньше этих разнообразных мысленных комбинаций может у него сложиться. Опыт сам по себе закрепляет константный взгляд на ситуацию с обязательным выводом правильного поведения и обязательной заостренностью ума и поступков. Лишь постоянные тренировки живости ума могут этому помешать. Но ненадолго.

Лайнел: – Хотите сказать, что можете симитировать творческое поведение компьютера?

Сеон: – Мне ничего не нужно доказывать. Все уже доказано задолго до меня. Рассмотрим, например шахматы. Они являются непосредственным сосредоточием стратегии, математического расчета, и если можно так выразиться, творческого подхода. Ведь, несомненно невозможно все время играть одну партию и выигрывать. Один из талантливейших шахматистов, Хироси Иноуэ сыграл в 1980 году свою первую партию с компьютером, и конечно победил, ведь на тот момент мощность компьютеров, как и программы, были далеки от совершенства. Вариативность компьютерного анализа была намного ниже, чем воображение человечества. Но спустя всего 9 лет, повторный матч реванш был уже серьезным показателем достижений компьютерной индустрии. На мой взгляд, особо серьезных изменений в программе не произошло. По той простой причине, что скачок в производительности самого железа был в сотни и тысячи раз, а вот программная часть увеличивала производительность всего лишь в десятки раз, и на самом деле лишь упрощала логику, что непосредственно связано с железом. И, несомненно,

главным показателем был матч в 1989 г. Пять программ обыграли пятерых профессиональных игроков (трое из них входили в мировой топ-4) со скромным счетом 12:8. Компьютер, несомненно, одержал верх над человеком. Самым недалеким умам будет ясно, что такая прогрессия результатов игр, несомненно, связана с прогрессией изменения мощности компьютерной техники в эти годы. И также если немного поразмыслить, можно понять, почему увеличение вычислительной мощности компьютерной техники отклонились от почти канонического закона В последнее время Человеку уже не нужны настолько громадные вычислительные мощности. Ну что он с ними будет делать? Вычислять смысл жизни? Опровергать или доказывать существование творца?

Лайнел: – Но ведь и программы компьютера писал человек. Таким образом, получается, что гроссмейстер играл не с компьютером, а с человеком, – а точнее с группой людей, написавшими программу.

Сеон: – Вот тут-то вы и попались. Вы сами сейчас заявили, что программа есть ни что иное, как опыт, переданный человеком. Опыт в виде вариантов логического подхода отделенный от ограниченности человеческого сознания стал творческим подходом. Знаменательно отметить, что после поражения человек-шахматист опротестовал результат, заявив, что его поражение было из-за подсказки человека-оператора, и, мол, техника никогда бы не смогла додуматься до такого хода. Вот здесь то и проявляется начинающаяся закостенелость ума стареющего шахматиста, привыкшего видеть в компьютере лишь набор несложных прямолинейных рассуждений, и считающего творческим подходом нечто другое, чем неограниченность вариантов расчета. Не образное, а все просчитывающее мышление, охватывающее всю вариативность шахматной партии.

Лайнел: – Но все же вернемся к нашему вопросу. Я категорически считаю, что регулирование процессов происходящих в человеческом обществе компьютер не сможет регулировать, из-за отсутствия человеческих качеств. Из-за отсутствия человеческого опыта, и опыта жизни. Такую программу будут писать десятилетиями, а может сотнями лет.

Сеон: – И опять вы ошибаетесь, мой друг. Как вы и говорили, с обеих сторон от монитора сидят люди. Люди пишут программы, люди их используют. Компьютерные программы и их реакции, если на них смотреть в совокупности, ничто иное, как человеческие реакции на действия человека. Отклониться от этих ограничений они не смогут, – по той простой причине, что это в них не заложено. А уж программы по управлению обществом написаны давным-давно, и называются они законы. Законы общественные, законы государственные, законы экономики и т.д. И реализация их в виде программы уже практически завершена в нашем ведомстве. А Если еще точнее, то завершена полностью. Остается только практический эксперимент, что связано с определенными рисками. Поэтому я и прошу у Совета выделить мне несколько стран для опробования данного продукта (изменение человека и законов согласно необходимости).

Лайнел: – Не может быть и речи. Как минимум по одной простой причине. Придуманное Человеком не может быть придумано машиной, пока ей не внести эти данные. Но может быть придумано другим человеком. Ведь не зря во все времена говорили про идеи, которые «витали в воздухе»!

Лайнел отпил из бокала коричневатый прозрачный напиток, некоторое время смотрел сквозь завитушки дыма сигары своего собеседника. Не покидало ощущение, что им обоим лень говорить вообще, а не только на данную тему, в которой они оба не были великими специалистами.

Лайнел: – Хорошо. Я готов Вам поверить. Пусть ваша машина или ее программисты смоделируют мне исчезновение финансов, накоплений, закровов, – называйте это как хотите, – обратите внимание: МГНОВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ, – целой страны.

Сеон: – Вы имеете в виду...

Лайнел: (перебивая) – Да, черт возьми, именно ЭТОТ СЛУЧАЙ я и имею в виду. И объясните тем самым, – хотя бы как вариант, – куда и как их можно спрятать без должной подготовки и длительных приготовлений. И не в компьютерной игре, а в реальной жизни. Из банковских хранилищ, из музеев золотых украшений, со всех, даже самых секретных правительственных и частных счетов...

Сеон: – Да ладно Вам! Таких гениев хватает во всех странах! Или Вы хотите сказать, что в России или Украине их мало? Заранее введенный код, привнесенный вирусом или червем, запуск его работы по времени или по ожидаемому событию или паролю, отсечение и уничтожение логов по тому же коду... Мы это проходили.

Лайнел: – Да, проходили. Но не одновременно с опустошенными банковскими хранилищами и музеями... И рано или поздно «концы» находили. Не всегда удавалось найти полностью финансы и всех людей, причастных к этому, но пути и средства почти всегда находили. Мне не дает покоя, именно это «почти»... Прошло столько десятилетий, а ни «концы», ни коды или исполнители, ни сами средства не поддаются изысканию, а событие объяснению. И дело даже не в том, что суммы просто не поддаются осмыслению, – дело в том, что МНЕ ЭТО НЕ ДАЕТ ПОКОЯ как проигрыш, как поражение!

Сеон: – Я помню, помню ВСЮ ту ситуацию. И помню, сколько сил Вы тогда потратили, сколько людей «почему-то» исчезли в наших разных подвалах, и...

Лайнел: – Хватит! Я Вам до сих пор не давал отбой по этой программе. Но Вы не продвинулись ни на шаг. И если Вы лично не исчезли, как Вы сказали «в подвалах», это не значит, что я забыл, или хочу забыть об этом.

Сеон: – Понимаете, уровень программирования и машинные языки...

Лайнел: – Меня не волнуют технические подробности, тем более что я в них ничего не понимаю и не хочу понимать. Я хочу, чтобы всё это золото, все эти деньги лежали У МЕНЯ В ПОДВАЛАХ И ХРАНИЛИЩАХ! Вы это понимаете?

Сеон: – Да, понимаю. Я и сам бы этого хотел, но пока не знаю ничего, что продвинуло бы нас ближе к этому...

Лайнел: – Я понял. Хватит об этом...

Собеседники смотрели друг другу в глаза, в которых постепенно остывал накал мгновенно вспыхнувших страстей. У них не было взаимной неприязни, – долгий совместный путь сквозь финансовое море и строй финансовых акул не сделал их врагами. Напротив, хорошо зная друг друга, они уже, наверно, и не могли стать врагами, – они были уверены, что у них нет достаточно оснований обманывать себя и друг друга ни в чем. Для них были доступны в этом мире все-все-все возможности. Они могли всё и всех купить. Они могли создать или уничтожить любую страну или группу стран, – и не с помощью своего оружия, а руками этих стран.

Запуск термоядерных ракет? Да не смешите моих подданных, мои тапочки и копытца! Этот дешевый и очень расточительный балаган совершенно неинтересен. Только клоуны в лице глав государств могут бряцать ядерными, бактериологическими и химическими арсеналами на потеху собственной публики. Это и старо, и не интересно.

Нет, Мы стираем не страны, и не их жителей. Мы всего лишь стираем границы нынешних государств, чтобы можно было начертить новые. Новые границы, пролегающие не вдоль или поперек, а поверх старых границ. Доллары, евро, иены, – это только верхушка айсберга. Для кого-то взлеты и падения курсов разных бумаг интересны, впечатлительны, – но не этим двум собеседникам.

С одной стороны, они как бы застряли своими взглядами и понятиями в прошлом, – ну а с другой стороны, совершенно хорошо они знали, что они неизвестны даже очень узкому кругу лиц, кто мог бы хотя бы верхушку ИХ АЙСБЕРГА заподозрить.

Они были вершиной этого Айсберга. Или его телом... Или сами были АЙСБЕРГОМ... Они правили миром и управляли негласно мировыми процессами. И считали, что все мировые процессы глобального масштаба были им подвластны.

Думали, пока не столкнулись с ЭТОЙ загадкой...

Молчание нарушилось.

Лайнел: – Так расскажите мне о том новом трейдере, о котором Вы рассказывали мне в прошлую встречу.

Сеон: – А ничего нового. Он возникает перед торгами, словно делает ставки на рулетке или ипподроме, временами проигрывает на малых ставках, потом сразу делает новые ставки и чаще всего выигрывает, многократно покрыв прошлые затраты. И исчезает. НА-ПРОЧЬ ИС-ЧЕ-ЗА-ЕТ.

Лайнел: – Ну как может исчезнуть человек, его канал связи, только что полученные ЧУЖИЕ деньги?!?

Сеон: – Не знаю до сих пор. Мы уже прослеживаем все его каналы связи, его IP-адреса, банковские переводы... «Черная дыра»! Всё упирается каждый раз в нулевые промежуточные узлы связи одноразового входа-выхода. Они схлопываются, как фантастические ворота межзвездных переходов, – знаете, как в «Звездных войнах»... Точнее, мы каждый раз стоим перед пустым пространством, щупаем его всеми имеющимися приборами и рецепторами... И мы видим только, что здесь «уже есть и всегда было кто-то или что-то» или «уже никого или ничего нет и даже теоретически быть не могло».

Лайнел: – Но ведь можно же что-то сделать?

Сеон: – Пока не знаю. Мы мгновенно проходим по всем цепочкам IP-адресов серверов, проверяем ВСЕ (!!!) сервера на пути прохода, но они оказываются пусты сразу после прохода. Вот команда на продажу или покупка у брокеров лежит, есть сумма, подтверждающая эту команду, а откуда команда или деньги поступили – неизвестно. Бумаги куплены, деньги потрачены, – и они опять исчезают. Потом появляются в других биржах, снова включаются в оборот... И так бесконечно. Нарастают только суммы. Знаете, но суммы нарастают непропорционально...

Лайнел: – Как это?...

Сеон: – В процессе участвуют суммы явно не пропорциональные выигранным ранее. У меня складываются ощущения, что суммы вообще не играют значение. И принципы проводимых операций не поддаются осмыслению. Знаете, как ребенок, играющий кубиками, который знает, что кубиков бесконечно много, что законы физики для него не писаны, – складывает их без счета и без известных всем нам законов силы тяжести и прочих им подобных... Если замок из этих кубиков упал, – неважно, – построим новый. Если выстоял, – то это тоже не принципиально. Новое строение можно начинать без учета нажитого опыта и без даже фиксации уже построенного ранее.

Лайнел: – Но если Замок построен, то...

Сеон: – ...то он исчезает в «черной дыре», и если он рухнул, то обломки тоже исчезают там же. В результате мы не можем исследовать ни один элемент строительства. Вы не забывайте, что биржевые операции занимают секунды или доли секунды, как и переводы между банковскими счетами.

Лайнел: – Чудес не бывает. Какое Вам предлагают объяснение спецы? Ведь ситуация длится уже сколько?

Сеон: – Несколько лет. НЕСКОЛЬКО ЛЕТ!!! Но сначала на это никто не обращал внимание, а потом суммы начали увеличиваться и увеличиваться. Возможно, – я бы сказал «скорее всего», – начало этого процесса мы пропустили. Фиксировать стали тогда, когда суммы стали заметны и очень заметны. Знаете, как карлик в толпе трамвая: Он передал водителю плату за проезд сначала точно, без сдачи, потом в размере двойного билета, – получил сдачу и вышел.

Никто даже не оглянулся. Карлика в толпе никто не заметил и не разглядывал. Он не интересен ни кондуктору, ни пассажирам. Так он «ездил» неизвестно сколько долго. В какой-то момент он передал банкноту – месячный или годовой доход кондуктора, – тот удивился и ... скоро забыл об этом. Но потом он передал банкноту – сумму в размере годового дохода всего города. Кондуктор привстал, чтобы разглядеть, кто там с такими суммами ездит в трамвае, но карлика в толпе не разглядел...

Лайнел: – Скорее всего, он уже вышел...

Сеон: – Ну, да. Проезд он уже оплатил, к нему претензий нет и быть не может. Вот только как он получил сдачу с этой банкноты, когда и как вошел и вышел – непонятно.

Лайнел: – А кондуктор рассказал об этом водителю и другому кондуктору в парке. Возможно еще соседу или супруге. Или контролер увидел, как через кассу прошла МГНОВЕННО сумма, никак не соизмеримая со стоимостью билета... И....

Сеон: – ...и понеслось! Каждый раз, как сумма, переданная теперь к оплате, стала достигать десятикратного или двадцатикратного уровня стоимости разового билета, в толпу стали кидаться ищейки. Но толпа «не отдавала» своего весельчака. А тот стал откровенно издеваться над контролером. Даже когда толпу просто не стали пускать для проезда в этом маршруте, то суммы на кассе кондуктора стали появляться просто «из воздуха» и туда же исчезать. Вот представьте себе, как в пустом трамвае на кассе появляется и исчезает фантастическая для кондуктора сумма, а в вагоне никого не видно. Нет, даже не так: во всех трамваях в мире, во всех странах и городах в пустом трамвае на кассе появляется и исчезает фантастическая для кондуктора сумма, а в вагоне никого нет.

Лайнел: (смеется) – Инфаркт кондукторам обеспечен!

Сеон: – (смеется) – Ну, да, ну, да... И паралич работы трамвайного парка... (смеется) Представьте себе, как по всем трамваям идет охота за этими суммами, но никто не видит пассажира. НИ ОДНОГО!

Лайнел: – А потом, пустыми начинают ходить и автобусы? (смеется)

Сеон: – Ну да! (смеется) И такси, и самолеты, и поезда... Как Вы понимаете, это образно.

Лайнел: – Конечно, понимаю. Никто не разрешит оставить пустыми залы бирж всего мира любой специализации... Даже ради такого одного платежа. Да, интересно... Как я понимаю, поставленные сети и ловушки ни разу не сработали?

Сеон: – Ни разу.

Лайнел: – Что говорят «контролеры и ищейки»?

Сеон: – (грустно улыбается) Гавкают, роют землю, скулят, отводят глаза...

Лайнел: – Понятно... И много таких случаев зафиксировано?

Сеон: – Только зафиксированных – много. Вы же понимаете, когда затронуты интересы брокера, когда он получает процент от проведенной сделки, часть информации до нас может и не доходить. Мы можем рассматривать так же только те случаи, которые стали фиксироваться после обнаружения проблемы.

Лайнел: – А что же ваши хваленные вычислительные мощности?

Сеон: – Брошены в бой! Но безрезультатно. Пока на нашего «оппонента», – не хочется называть его пока беспричинно «врагом», – не заметили, видимо были отработаны большое количество, в том числе и неизвестных нам, вариантов входа и выхода из наших систем. Боюсь, что биржа, – только частность.

Лайнел: – Вы понимаете?...

Сеон: – Да понимаю я, что теперь обрушить наши биржи можно почти одномоментно, просто сделав несколько продаж-покупок на заоблачные суммы. Заоблачные даже для нас с Вами. Мы пробовали ставить ограничения на суммы сделок, но тогда сразу большая толпа брокеров в совершенно несвязанных отделениях бирж по миру, внешне не сговариваясь, начинала, как по команде, проводить однотипные операции на разрешенные суммы. Проводить

одномоментно! Это как бы на кассу кондуктору вместо банкноты стоимостью дохода всего города стали поступать многие тысячи банкнот стоимостью его годового дохода, – но общей суммарной стоимостью дохода города... И операции все равно проводились.

Лайнел: – Есть мысли?

Сеон: – Ну, не знаю. Появился некий биржевой игрок, с фактическим неограниченным, – я бы даже сказал бездонным, – кошельком, который не хочет ни придерживаться общепринятых и законодательных правил, ни даже законов физики. Я не верю, что это группа лиц. Это молодой малоопытный игрок.

Лайнел: – Почему думаете, что малоопытный?

Сеон: – Начиналось, скорее всего, как мы предполагаем по частично считанным логам, все с 1-2 позиций на одной бирже. И с маленьких сумм. И, думаю, не потому, что денег не было... – Исключительно, чтобы посмотреть на те, типа «физические» законы, которые здесь работают. Ну, как человек, впервые в жизни вошедший в зал казино пробует постоять около покерного стола, делает маленькую ставку на рулетке, кидает жетон в «однорукого бандита». Или как ребенок, который впервые взял в руки кубики и, не зная их область применения, начинает складывать из них ЧТО-ТО, что ни он, ни другой ребенок еще не знает. Как-будто, и подсказать не кому...

Лайнел: – Изучает, ищет «вкусную» пищу...

Сеон: – Да, похоже... Потом выбрал один стол с рулеткой (как будто почувствовал там какую-то закономерность) и один из игровых аппаратов (как бы нашел к нему инструкцию). С этого момента этот стол и этот аппарат начинают работать по нарастающим ставкам и приносить игроку и – что «самое смешное» – казино баснословные прибыли. Или сразу срабатывают с самой заоблачной ставкой одноразово, – с тем же эффектом.

Лайнел: – А потом?

Сеон: – (грустно улыбается) При любом из этих вариантов течения событий собравшаяся «публика» видит табличку «Game Over!». Или просто сидит и оглядывается по сторонам у молчащего без движения игрового манипулятора. Но ни денег, ни игрока уже давно нет... Как Вы понимаете, эта аналогия с казино тоже образная... Хотя, боюсь даже загадывать, были ли такие случаи в казино. Они наверняка это скрывают. И знаете, почему?

Лайнел: – Поделитесь.

Сеон: – Потому что знают, что если в какой-то момент на всей площади казино заработали бы в таком режиме все (!!!) столы и все игровые автоматы, то подсчет расходов и доходов просто станет невозможен... И непонятен. Ведь на бирже играли тоже сначала, как я предполагаю, на нефти и на угле. Помните многократный беспричинный рост цен на энергоносители? А теперь нет такой позиции, на которой можно свободно жить и работать: золото, валюты, бриллианты, автомобили, любые строительные материалы, продовольствие, – словом, я даже не смогу сейчас назвать ни одной позиции, на которой не была бы задействована эта чума. К счастью, это происходит не непрерывно, а... Ну, скажем нечасто. Иногда к некоторым позициям не возвращаются никогда, не смотря на достигнутый огромный результат... Как ребенок: поиграл – и бросил надоевшую игрушку.

Лайнел: – Ладно, подумаем... Помощь надо?

Сеон: – Да какую? У нас и так есть всё необходимое...

Лайнел: – Расскажите потом продолжение истории?

Сеон: – Обязательно, мне и самому интересно.

Юля. Группа.

В институте как всегда было весело. Повсюду стояли группками студенты, ждущие занятий, вновь прибывшие проносились мимо, чтобы занять свое место в одной из этих групп, стать частью чего-то большего, чем просто один индивидуум. Отовсюду слышен был смех, вскрики, оклики. Студенчество жило своей постоянностью из года в год, из десятилетия в десятилетия.

– Ты прикинь, а Людка Диму к мобильнику ревнует! – раздавалось от девчонок одной такой группки.

– Дааааа... 8 мегапикселей... – многозначительно подтвердил стоящий рядом с ними парень.

– А ты слышала, что Никола себе машину купил? – раздавалось из другой такой группки.

– Да. Мы с ним даже катались на ней. Но как-то неудобно в ней. Особенно если откидываешь сиденье чтобы немного полежать... – доносился наивный ответ.

– Линукс все равно рулит! – раздавалось из чисто мужского собрания в коридоре.

– Фуфло твой Линукс! «Контру» на нем сможешь установить? – зло слышалось в ответ.

– Конечно, смогу. А ты думаешь, я парням из общаги сервер, на чем сделал со всем их компом-барахлом? – ответил рыжий невзрачный парнишка.

– Да. Они нам тогда два ящика пива выставили. Отлично тогда погуляли, – вставил другой.

– А ты видел, как его сбило машиной, – доносилось из другого угла.

– Ага. Через две машины перелетел, – закивали многие вокруг.

– Привет, Юля! Привет, привет... прив... – дружно и в разноречивой донеслось из родной группки.

– Ты, случайно, сегодня не проверяла карточку стипендии? – сразу и по-деловому начал Гена, с большими, как окна, очками.

– Угу! – всё, что пришло Юле в голову.

– Да? И тебе тоже дали президентскую надбавку? – сразу вставила другая девчонка в таких же больших очках, как и у паренька. Девчонка явно комплектовала в компании и держалась все время за Гену.

– Угу, – кивнула Юля слету, обрадовавшись, что ничего не нужно объяснять.

– А ты слышала, что Никифора машина сегодня сбила? Похоже, лекции сегодня не будет, – вставил другой паренек. – Я сегодня утром в окно троллейбуса видел! Он дорогу переходил на зеленый свет, – вместе с Андреевичем. А тут какая-то машина ка-а-а-а-ак собьет его. И этот гад даже не остановился. Дедулю через машину перекинуло. Вот умора то была. Так ему, за мою тройку.

– Как, машиной? – внутри у Юли все замерло и сжалось.

– Ага. Сбило. Я тоже видела. Я, правда, на остановке стояла. Но потом подошла. Его в больницу увезли. – Очкастая была рада, что присутствовала при таком важном событии. – Там ему первую помощь сама декан оказывала. Как на уроке. Пульс проверила. Дыхание. А скорая почти сразу приехала. Наверное, рядом были.

– Нужно к нему сходить и поведать. Надеюсь с ним ничего серьезного... – задумчиво и грустно вставил Гена.

– Ну, ты как скажешь? Ничего серьезного. Ты видел, как он летел? Наверняка он шеей свернул, или позвоночник повредил. Не жди его. Думаю, он уже свое отучил, – вставила смазливая девчонка.

– Ты, наверное, за свою пятерку волнуешься? – спросил у Гены неопрятного вида парень.

– Да черт с ней с той пятеркой, – обижено вставил очкарик. – Мы с Емельяном Викторовичем докторскую по психологии вместе писали. Он даже обещал отметить меня в соавторах. Как же теперь быть?

– Ну да? Вместе? Наверное, он тебе только и поручал, что набирать текст на компьютере. Ишь ты, в соавторы захотел. Пятерки что ли мало? – зло набросилась смазливая, которая никогда больше тройки по предмету не получала.

– Да нет же. Я ему помогал анализировать «деструктивный анаптический самоанализ личности в момент возрастных переходных периодов для субъективного анализа отдельных ограниченных групп на предмет возможности суицидальных предрасположенностей», а также – начал разглагольствовать очкарик. Уж что по настоящему и умел Гена, так это шикануть новыми терминами и похвастать своим превосходством, как минимум в том, что он их знает и понимает.

– Это у каких таких групп анализ суицидальных предрасположенностей ты проводил? Уж не четырехглазых ли ограниченных студентов случайно? – перебила Смазливая.

Вся группа прыснула от смеха и замерла в ожидании начинающейся перепалки. Все любили послушать, как наглая первая красавица потока опускает, наверное, самого умного и, в тоже время, некрасивого студента потока. Борьба красоты, наглости и хитрости Смазливой с тусклой блеклостью, спокойствием, мудростью и энциклопедической начитанностью Гены, можно сказать всех интуитивно потешала (интуитивно, – потому что воспринять полно и красочно происходящее в полном объеме у них самих мозгов не хватало). Но перебранку прекратил звонок и подбежавшая завуч.

– Так детки, не спим, не спим. А то сейчас будем тренироваться ставить клизмы друг дружке, – маленькая веселенькая завуч, была как всегда остроумна до мозга костей. – Быстренько заходим в аудиторию. Гена! А ну-ка, подойди сюда.

Группа расселась по местам.

А потом зашла завуч со сверкающим Геной.

– Так. Думаю, все слышали, что Емельян Викторович сегодня не сможет вести урок. На сегодня я оставляю за старшего Гену. Оставляю ему курс лекций. Все слушайте его и пожалуйста, не шумите. Все. Я побежала. Буду в соседнем кабинете.

Юлин телефон загудел известной новомодной мелодией, и она прочла СМС: «Спроси, пожалуйста, у Волкова, какие возможные варианты лечения последствий диссоциативных расстройств. Интересуют потери памяти, бессознательное состояние, глухота. Один пациент. YA».

– YA! YA... – Это «YA» не выходило у Юли из головы. – И как же мне теперь быть? Деньги то я получила. Хотя конечно надо еще разобраться. Может это не YA прислала мне. Может это совпадение.

– Что там у тебя? – спросил подошедший Гена и выхватил из руки мобильный. Наглец вел уже себя как полноправный преподаватель, и быстро прочитал сообщение.

Олег. Полет. 001.

Белый-белый цвет, казалось, окружал меня со всех сторон. Без края, без просвета... Протяни руку, – и она тонула в этом белом мареве, окутывала пальцы рук, скользила между пальцами.

Я попробовал похлопать в ладоши, и белое марева стало выплескиваться между ладоней, как если бы я хлопал в ладоши под водой, – точнее, погруженный в молоко. А вот интересно было бы вот так же похлопать в глубине молочной реки. Выплеснулось бы что-то на кисельные берега?

Помню, как в далеком детстве мои родители читали и пересказывали мне детскую русскую сказку, в которой упоминались такие молочные реки и кисельные берега. Я стал приставать к родителям с вопросом, как же это может быть? Помню, отец сварил крутой – очень густой, как твердое желе, – фруктовый кисель, положил его в тарелку по краям, остудил и налил в середину тарелки кружку горячего молока. Я до сих пор помню и свой восторг от придумки отца, и тот восхитительный вкус фруктового киселя с горячим молоком... Я много раз потом делал своим это блюдо, но как мне кажется, никто его не запомнил. – Значит оно не вызвало такого восторга. Возможно, не было моей ассоциации со сказкой, – «молочные реки, кисельные берега». Не знаю, может ли сравниться современный молочный коктейль с молочным коктейлем того времени, который делали повсеместно во всех гастрономах страны специальным аппаратом. Так и может ли сравниться молочное желе с таким сказочным киселем... Я хорошо помню, что сперва ложкой выхлебывал молоко, потом как из глыб этого киселя соорудил стены, башни... Однажды такая башня обрушилась на стол и частично на пол, мне досталось от матери и пришлось собирать кисель по всей кухне...

Вот теперь я вспомнил эти молочные реки, хлопая в ладоши...

Стоп. А где это я нахожусь? Что это такое вокруг меня. И не говорите, что я нахожусь посреди молочной реки. Молочные реки – это народная русская сказка, рассказанная мне родителями. И я точно знаю, что в детство пути закрыты навсегда.

Тогда где я? Что со мной? Что вокруг меня?

Я порылся в кармане и достал десятикопеечную монетку. Подбросил ее вверх (как я думал, что вверх, – эти понятия никак не могли отцентроваться в моей голове) И... Монета улетела... – вверх... Я рванул за ней... До сих пор не могу объяснить, по каким законам физики «я рванул», – но это в моем мозгу выглядело именно так. Я попытался поймать улетающую монетку, начал ее преследовать, белое мареве вокруг меня стало пропускать меня сквозь себя как плотное и одновременно бесплотное вещество (блин, что за чушь я несу: слово «плотное» от слова «плотность» я поставил рядом со словом «бесплотное» от слова «плоть»?).

... И вывалился из облаков на высоте черт знает сколько километров над землей. Монетка всё скорее отдалялась от меня и быстро исчезла где-то внизу. Догонять ее я не решился. Да какое там догонять? – Я чуть не стал выделять содержимое кишечника и мочевого пузыря в свои брюки! Я сделал даже рефлекторное движение назад в сторону облаков...

Стоп... Да что там стоп? Что ты заладил стоп да стоп? То в облаках стоп, то в молочной реке стоп, то на высоте полета птицы над землей стоп!... Где ты реально хочешь рвануть стоп-кран? Или уже «шарики за ролики», а «ролики просыпал»? Имей в виду, в самолете стоп-кран не работает!

С трудом перестал махать ногами и руками от страха свалиться с такой высоты. Всё равно завис. Махая руками, я раздробил в клочья плотный нижний край облачного «марева» у меня над головой. А под ногами все равно бездонная даль. Звука-то от упавшей монетки не было!...

Я не услышал, или она еще не упала? Интересно было бы, если бы я с такой высоты услышал звук падения монетки на асфальт или бульк в море... Ха и еще раз Ха!...

– Монетка, ау! – грозно закричал я. – Вернись, я всё прощу, подлая!

Вообще-то интересный вариант. Можно говорить вслух, кричать, – и никто не услышит... СТОП-СТОП-СТОП! А если услышит? Можно ли обратиться к Богу с такой высоты? Услышит ли он меня лучше, чем с поверхности Земли? Ну, тогда уж лучше лететь в Космическое пространство и кричать оттуда...

Я почувствовал, что начинаю опять «погружаться вверх» в толщу облаков. Я сделал неимоверное усилие над собой, и... подумал:

– Не надо в Космос. Я передумал, точнее ошибся. Мне и здесь хорошо.

«Погружение в облака» прекратилось, и я даже опять снизился на несколько метров ниже кромки облаков.

– Отличная мишень для зенитчиков, – почему-то подумалось мне. Но я спохватился и уже дальше начал говорить вслух. – Стоп и еще раз стоп! Какие зенитчики? Какое зенитное ограждение? На такую высоту только ракетами... Вот ведь блин! Я вот договорюсь, что встречу с Богом верхом на зенитной или какой-то еще ракете. Хорошо болтать чушь! Тебе не хватит, что тебя с твоей болтовней чуть не засосало назад в облачный слой? Надо думать, как выбираться отсюда к... Стоп, не к какой-то матери, – а то отправят меня точно к моей покойной матушке. За кисельными берегами и молочными реками...

Земли практически не было видно. Видимость, как говорили летчики боевых эскадрилий в войну, «миллион на миллион». Даже не хочется и думать об этом, – никто не знает, какие-то мысли у меня материализуются...

Завис и ладно. Думаем вслух. Кислорода воздуха хватает, значит жить можно. Кессонной болезни нет, – или как там должно повлиять разреженное пространство? Руки-ноги работают. Мозги чистые, не затуманенные. Теперь надо придумать, как дать мысленную или голосовую, – думаю, не принципиально какую, – команду для правильного спуска.

Подумаем, какие опасности могут меня ждать.

Первое – разбиться при приземлении. Значит надо придумать, как регулировать скорость снижения. Как вообще можно что-то регулировать...

Второе – не сгореть в атмосфере от скорости, т.е. не разогнаться, как астероид.

Далее, не упасть в океан. – А что это там внизу синее? Не океан? Наверно он. Ну, или море наверняка. Надо или в остров целиться, или материк искать. На острове могут сожрать аборигены, на материке сбить зенитным огнем. Что лучше? Надо думать, что будет легче: лавировать в плотном зенитном огне или между обеденными кострами? В любом случае, не хочется плескаться в морских водах и искать ту «соломинку», которая меня оттащит к берегу. Потом стучать зубами от холода на берегу в мокрой одежде.

Ладно, вопрос острова и материка второстепенный... Надо вспомнить, как группируются в воздухе парашютисты в затяжном прыжке, чтобы управлять направлением и скоростью полета.

Начал думать о тех или иных пируэтах в воздухе и заметил, что тело само стало принимать нужные положения, делать развороты. Я даже стал махать руками, когда хотел развернуться или притормозить. Всё! Рубикон пройден. Спуск начался. Оказывается, что я был слишком высоко. Если не разогнаться до скорости пикирующего бомбардировщика или до спускающегося «шаттла», то время это занимает достаточно много. Я решил сначала потренироваться на высоте, – а вдруг «обратного пути не будет», и я не смогу опять набрать высоту. Но все было в порядке. Сначала я опустился значительно, – по моим прикидкам, – ниже облаков, потом набрал вертикальную скорость и попытался преодолеть облачный слой.

Но тут меня ждало разочарование. Я не смог достигнуть высоты выше облаков. Как будто меня что-то держало и не пускало выше каких-то цифр. Я не мог преодолеть какой-то неви-

димый барьер. Тогда я решил поднырнуть под облаками в каком-то направлении и... – опять уперся в барьер. ХОРОШАЯ КЛЕТКА В ВОЗДУХЕ! Так, а внизу меня тоже ждет барьер? Тогда я умру от жажды и от голода. Как же птицы этого не замечают?

Я начал снижаться, и преграды пока не находил. Радоваться или удивляться?

Слушайте, Я ВСПОМНИЛ! Я всегда увлекался фантастикой. Читал непрерывно, всё подряд: научную, приключенческую, учебно-познавательную, беллетристику... Была у меня в детстве такая книга «Ариэль» – Александра Беляева, кажется. Слабенькая советская фантастика по нынешним временам, но интересная. Я бы ее и сейчас перечитал, как инструкцию для полета. Так вот там герой книги точно так же управлял своим телом в полете. Вот только я не помню, как он попался к врагам... Как его пленили или убили... Ну никак не могу вспомнить. Но вот тоже: захотел вправо – полетел вправо, захотел назад или вперед – полетел назад или вперед.

Не знаю, сколько уже прошло времени, но я стал скучать. Облака удалились, команда была на спуск с умеренной скоростью, а внизу всё так же простиралась еле видимая голубая гладь. Движение вниз происходит, – ветер свистит в ушах умеренно, – но и хочется быстрее, и страшно разгоняться: а вдруг не справлюсь с управлением...

Прошло уже очень много времени. Мне показалось, что я опять приближаюсь к слою облаков. Но они совсем другие. И не по всей поверхности океана, а в небольшом с высоты участке. Как куски ваты, брошенные на океанскую поверхность. Только что не качаются в такт волнам.

Да, это облака. Они как будто накрыли сверху вершину вулкана, – я видел такие фото в каком-то журнале. Но нет ни всполохов вулканических выбросов, ни серых следов пепла в воздухе. Просто пар от вулкана? Не похоже. Больше похоже на облака.

ОХОХО! Вот это размеры! Остров всё ближе и ближе, и потому все больше и больше. Он уже растянулся на половину поля зрения. Это, конечно, не материк, но именно потому размеры острова впечатляют. Достаточно для небольшого государства. На таком острове может быть и зенитная артиллерия, и истребители-перехватчики. Но пока ничего не видно. И я продолжаю снижаться. Но я не рискую пикировать прямо на сам остров, – я иду по большой спирали вокруг острова, чтобы получше его разглядеть со всех сторон. Зачем мне это нужно? – Да так, из любопытства. Я всё меньше боюсь быть сбитым в воздухе, хотя отбоя боевой тревоги никто мне не давал, – но и всё больше пылает мое любопытство.

Где это я? Что я такое вижу? Что это за остров? Почему он словно бы накрыт ватным одеялом, – шапкой облаков? Видел ли я когда-то такие очертания суши?

Каюсь, я никогда не видел таких очертаний. Хотя где-то в моей детской памяти, пестрящей картами пиратских островов с сокровищами и прекрасными пленницами, что-то, наверно, мелькает. Почему-то мне кажется, что я уже видел этот остров, и знаю, что это не 1 и не 2 острова, – а целый архипелаг больших и маленьких островов? И есть внутреннее море в этом архипелаге, что собственно и прикрывается аккуратно, как будто искусственным облаком огромных размеров. Как будто скрывается от любопытных взглядов...

По мере приближению к острову я всё больше снижал скорость и всё больше терял чувство опасности. Мне всё больше хотелось опуститься до практически поверхности воды и узнать, смогу ли я увидеть что-то под облачным покровом. И вообще, не достигает ли этот облачный покров до самой воды. Тогда не интересно станет бродить по острову (нет, ну вы видали? – я уже планирую гулять по острову!) в клубах плотного тумана. Не знаю, останется ли у меня свойство передвигаться по воздуху после посадки на поверхность земли. Я много-разовый шаттл или безмоторный спускаемый аппарат?

Расступившиеся облака меня здорово порадовали. Стала всё лучше видна поверхность острова. И точно! Это большой архипелаг! В центре внутреннего моря были видны несколько маленьких островков. Я решил начать осмотр с этих островков.

Что выбрать: пикирование на выбранный объект или бреющий полёт от периферии к центру. На что настроены зенитные средства острова? Я пока не видел никаких признаков активности на острове, но нельзя терять голову и надо соблюдать осторожность.

Я спускался всё ниже, и только сейчас, при приближении к поверхности земли стал замечать, что световой день закончился. Стало быстро темнеть. Ну, всё правильно! На высоте я купался в лучах солнца, а теперь солнце загораживается от меня самим горизонтом. И дело не в облачности в 2 слоя, – верхнем и нижнем, – хотя и они дают потерю освещенности на несколько процентов. Дело в том, что, как там, в сказке, говорилось: «Ваше время истекло. Заканчивайте разговор. Заканчивайте разговор!»

Я решил не рисковать и сделал крутой вираж к земле, пока еще окончательно не стемнело, чтобы найти себе «веточку для птички», если не найдется дупла или пещерки, чтобы отсидеться до утра. Я не знаю ничего о флоре и фауне этого острова, о хищниках земных и летающих, – надо оставаться осторожным, чтобы меня не съели в буквальном смысле этого слова. Даже недоеденный до конца, утром я не буду представлять никакой ценности даже для себя самого, – разве что для не насытившихся еще хищников. Потому на землю уже в темноте я не стал даже спускаться. Я «приветвился» на какое-то выбранное большое дерево, залез поглубже в его крону, и искал, чем бы привязаться к стволу дерева, чтобы не свалиться во сне в темноте. На мне ничего, кроме узкого брючного ремня не было, но привязывать себя за руку к ветке не хотелось, – неизвестно, для чего та рука мне может понадобиться ночью. А привязать за ствол туловище, – ремня явно не хватало.

Темнело просто стремительно. Потому я сделал предположение, что нахожусь в экваториальных или около того широтах, и это радовало, – ночью не замерзну. Потому что искать кроме привязи к дереву еще и утепление собственного тела мне просто не хватит времени и сил. К тому же я реально вымотался и засыпал, что называется, на ходу.

Уже почти в потемках я наткнулся на какие-то подобию плюща или тонких лиан, быстро (фактически кое-как) скрутил вместе несколько оторванных снизу ветвей и обмотал их вокруг себя и ствола дерева. Неплохо было бы еще привязаться и к веткам, тем самым исключить не только горизонтальное движение своего спящего тела, но и вертикальное. Но эта мысль прошла уже слабой искоркой по затуманенной поверхности моего уже угасающего сознания. Не прошло и несколько секунд, как я выключился основательно...

Не знаю, как объяснить, спал ли я или бодрствовал... Скорее всего остались какие-то «сторожевые центры» головного мозга, которые фиксировали на полуспящую кору головного мозга ночные шумы: крики и щелчки птиц, шум ветра в кроне дерева, далекий плеск морских волн... «Сторожевые центры» изо всех сил искали в звуках леса и моря угрозы, но не находили их. И всё исчезло до утра... До утра?..

Олег. Под водой. 001.

Вроде бы глаза открыты, но я ничего перед собой не вижу. Нет, это не так. Я протягиваю свою руку вперед, – и начинаю понимать, что вижу. Вот только вижу как сквозь очень толстое стекло... Не-е-ееет! Сквозь стекло видно не так! Даже очень толстое. Стекло дает искажения, даже если оно идеальной формы и прозрачности. Не верьте сказкам, что стекло может быть невидимо, если оно идеальной химической чистоты и шлифовки. Такое просто физически невозможно. Ну? просто представьте себе, что стекло прижато просто к вашему глазу, чтобы компенсировать все неровности поверхности глаза и стекла. Ну, а другая его поверхность, даже если погружена в воду, то и слой воды где-то заканчивается, и меняет скорость и направление распространения света...

Тогда можно запросто сказать, что в настоящее время я вижу как сквозь слой воды, – наверно, так точнее. Да и рука как будто преодолевает сопротивление, как если бы я размахивал рукой на глубине водоема... БРЕД!

Какой же бред может преподносить наш мозг, если за ним как следует не ухаживать... Ну, как, КАК может быть организм человека погружен под поверхность воды и не чувствовать при этом никакого дискомфорта? – Да никак! Если при этом не изменить физиологию и анатомию нашего тела, то наши легкие не смогут дышать. А наша кожа не сможет сохранять тепло, да и барьерные функции будут выполняться неправильно... Поверхность глаза станет соприкасаться с водой и вызовет... Что вызовет? – Да ничего не вызовет.

Я вспомнил, как мои родители рассказывали мне, что совсем маленького купали меня в море, (мы по несколько месяцев в теплый сезон жили на берегу моря). При этом несколько взрослых становились вокруг, чтобы не потерять меня под водой. Я прыгал в воду с плеч папы и плыл к тому, кто находился напротив папы. Но мне хотелось попасть на руки к маме, и потому я разглядывал, к каким ногам я подплыл, и выбирал, остаться или повернуть под водой и искать маму. Конечно, взрослый, к кому я подплыл, выхватывал меня из воды, я отплевывался от стекающей воды и хохотал, а родители подхватывали меня и прижимали к себе. Но благодаря этим воспоминаниям (иногда мне кажется, что они сохранились не в моем представлении, а реально сохранились в моей собственной памяти) я хорошо усвоил, что чистая морская вода не препятствует тому, чтобы открывать глаза и смотреть. Глаза после этого не болят, вод водой хорошо видно, особенно в солнечный день. Вот только находящийся под водой ребенок не может двигаться быстрее взрослого, который наблюдает за ним сверху. И потому взрослый быстрее выхватывал меня из воды, и я не успевал сам полностью развернуться и поплыть к маме.

Словом, под водой можно смотреть, видеть, ориентироваться с помощью зрения. Вот я вижу свою руку, вот и другая рука...

СТОП! Так я всё же под водой? Но я не испытываю дискомфорта от того, что я не могу дышать под водой! У меня – что же? – выросли жабры? Почему-то я даже и не испугался... Я просто ощупал свои щеки, скулы, заушную область, подмышки, – ничего нового на моем организме не появилось. Т.е. жабры не выросли.

Но на мне нет и никакого подводного снаряжения, оборудования для подводного плавания!

Я замер и прислушался к своим ощущениям. Никакого удушья, кашля от попадания воды в дыхательные пути, никаких обмороков и пр. Я так и не понял, совершаю ли я дыхательные движения грудной клеткой... И надо ли мне это...

Я оглянулся назад, посмотрел опять вперед. Вниз, – так, внизу мои ноги, – не ласты, не хвост русалки, и не удлиненные пальцы с перепонками, – и на том спасибо. Сзади плавника нет.

Я представил себя в качестве Ихтиандра из старого фильма «Человек-амфибия» и потому еще раз пощупал себя рукой между лопаток. Спинного стабилизатора между лопаток я не нащупал. Значит я не Ихтиандр.

В процессе своих беспорядочных движений и ощупываний из вертикального положения я переместился в горизонтальное положение. Оказывается, мне так удобнее. Взмах рукой, – и тело начало движение в упругой – точнее вязкой, – воде. Толи круговое, толи боковое движение.

Я вдруг подумал, что вода, попавшая в уши, должна была бы меня беспокоить, – не зря же охотничьи собаки прикрываются длинными ушами... Но и подобных ощущений я не почувствовал, сколько бы ни прислушивался. Сглотнул слюну, еще раз... Чувства давления на уши, – как должно ощущаться при высоком давлении извне или под водой, – не ощущается...

А слышу ли я что-то при этом? Прислушался... – Непонятно. Ладно, разберемся позднее. Ха! А откуда я знаю, что у меня есть это «позднее», и что меня не атакует сейчас с криком «УРА!» местная акула? Или местный гигантский спрут не тянет со стороны моей спины ко мне свои загибающиеся щупальца... Вот ведь, блин, необузданная фантазия!... Вместо волнения о том, что со мной происходит, я начинаю клоунадничать... Может, спрут красного цвета и протягивает мне тоже пистолет, – от акул?...

Вдох – выдох, вдох – выдох... – НИКАКИХ ОЩУЩЕНИЙ. И что это?...

Глаза сфокусировались лучше, и я увидел вокруг себя листья растений, – явно подводных, а не наземных. Они колышутся, – похоже, в такт моих движений, но и под воздействием как бы течений... Я не силен в распознавании морской флоры, потому не могу сказать, по какому меридиану или по какой параллели такая растительность. Потому ориентироваться по виду местной зелени не смогу. Мне всегда казалось, что водоросли в любой части Земли практически одинаковые, – если они есть. Ну, я понимаю, что кораллы на полюсах Земли не живут. Но дальше мои познания не простираются.

Вот с фауной – дело другое. Говорят, что фауна полюсов и экватора сильно отличаются... Ха-ха-ха... Конечно, белый медведь и пингвины резко отличаются от тропических рыбок и морских коньков!

Значит, так... Какие органы чувств и ориентации в пространстве у меня сохранились? Зрение есть, тактильные ощущения и мышечное чувство остались, слух не могу опробовать, обоняние... Тяну «сопли» внутрь себя и ничего не ощущаю... Нет обоняния или в воде его быть не может?...

Пытаюсь сделать выдох, чтобы полюбоваться поднимающимися пузырьками воздуха, а попутно найти верх-низ, но опять ничего не получилось. Изо рта не вышел воздух, но и струи воды тоже не видны и не чувствуются.

Значит, я всё-таки в воде? Я похлопал в ладоши, – прикольно! Меня развернуло немного по вертикальной оси... Хвост бы отрастить тогда, как у русалки... Для стабилизации, скорости и «поворотливости»...

Ладно, когда-то делал в подростковом возрасте успехи в плавании до юношеского разряда, не помню уж какого по цифрам... Буду и здесь приспособливаться. Делаю гребок руками, другой... Взмах ногами... А ногами удобнее!... Делаю рыбы движения ногами и начинаю двигаться... Ихтиандр, блин!...

Протянул руки вперед, потянулся ввысь, как при просыпании, – затекают плечи от бездействия... ОГО! Потянулся, – и понесся вперед с такой силой, что рубашка в области пояса аж завибрировала! Забилась, как флаг на ветру. Понятно, – я представил себе, что повернулся, – и реально поворот произошел так резко, что меня словно на гонках кинуло в противоположную сторону. Ух и скорость!... Тормозим?... Опять повис над колышущимися растениями. В их ветках, – или как это называется, отростки? – плавают какие-то мелкие рыбешки.

Слушай!... Я изначально, когда только «осознал» себя в жидкой среде, локализовал себя «висящим» в вертикальном положении. Потом в процессе ощупываний, движений руками и ногами стал ощущать, что положение тела в пространстве изменилось на горизонтальное... Значит, какое-то ощущение вертикали и\или горизонта у меня присутствует. Если так, то почему я теперь это не могу ощутить? Или не научился? Вообще-то у меня нет плавательного пузыря, как у большинства рыб, потому ни верх-низ, ни барометрическое давление воды я ощутить не должен в принципе... И даже если у меня есть газы в желудке или кишечнике, в этих органах не должно быть пространственного ориентирования. Ну не предназначен наш организм к водным путешествиям без скафандров и плавательных механизмов...

Надо или возвращать себе умение такой начальной ориентировки, или найти ориентиры, по которым это можно всегда сделать. Например, Где у нас свет и воздух? – Вверху. А водоросли куда тянутся? – Правильно, к свету и воздуху, значит вверх. Значит, их положение в пространстве в большинстве случаев можно считать вертикальным. Значит, покачивающаяся подо мной плантация какой-то морской ботвы неумолимо указывает мне направление к солнечному светилу, – а значит и к поверхности воды. Ага, а плыл я, всё же, головой вверх... Значит, ориентирование по геомагнитному полю Землю, всё же, сохранилось!?. Поплыли?

Я поменял положение тела на вертикальное и начал удаляться от ботвы. Становилось всё светлее и светлее... Задав голову, я смотрел на приближающиеся и всё более видимые разводы света на поверхности легких волн. Блики солнца на поверхности волн, видимые снизу, колыхались в такт движению поверхности воды... И так же, в такт этим приближающимся движениям, колыхалась и нарастала музыка радости в моём мозге: «К солнцу! Только к солнцу! Вверх!»

Удар ногами по воде, еще удар, – и меня практически выбросило выше поверхности воды. Я вылетел по пояс из воды, как касатка, не рассчитавшая скорость выхода на поверхность, или рванувшаяся за какой-то добычей над поверхностью. «Летучая рыба»... Ха-ха-ха!... – Развеселился я своей неуместной аналогией... Полетаем?

Но земное притяжение не дало вылететь сильно из воды, и я с размаху, разбрасывая огромную тучу брызг, опять упал в воду. ЗДО-РО-ВО! Теперь поплаваем! Теперь я хоть часть привычных ощущений себе вернул!

Юля. Дома.

В дверь позвонили, и Юля поспешила открыть. На пороге стоял Гена с прячущейся за спиной очкастой девочкой. Юля постаралась вспомнить, как же ее зовут. Кажется, Анжелика. Настолько неприметная и серая личность что, даже учась в одной группе, было сложно вспомнить ее имя. Единственное что Юля о ней знала, так это то, что Анжелика была двоюродной или троюродной сестрой Гены.

Наверное, ее родители перечитали в свое время тот бурный роман, – подумалось Юле, и она кивнула, приглашая заходить мнущейся на пороге парочке.

– Как и обещал, – сказал парень, протягивая несколько толстых книг. – Тут все что я нашел. К сожалению, в библиотеку не успел зайти, а практической психологии под рукой не оказалось. Зато в интернете, думаю, сможем найти нужные материалы.

– Разувайтесь и проходите. – Юля достала из шкафа свои и отцовские старые тапки. Мимолетное желание не давать отцовских тапок, было быстро отогнано желанием быть радушной хозяйкой. Отец умер много лет назад, но его вещи все еще лежали неприкасаемыми по квартире, ожидая невозможного.

Чистенький и опрятненький коридорчик с разваливающимся старым шкафом и слегка выцветшими обоями, был примером того, как своими стараниями можно привнести уют в квартиру. На стене висела связанная многолучевая звездочка, а в рамках, как картины, висели вышивки со спокойным сюжетом. Зеркало на обувном шкафчике когда-то давно было обрамлено нарисованными цветами, и хоть краска кое-где осыпалась и потускнела, выглядело настоящим произведением искусства. Вазочка с икебаной из различных сухих цветов завершала картину.

В комнате было также простенько и уютно. Старый диван советских времен, был застелен ярким новым покрывалом, пытающимся придать дивану вид нового, а ковер на стене немного провисал посередине, нуждаясь, толи в еще одном гвозде, толи в мужских руках способных этот гвоздь забить.

– Чаю? – предложила Юля и после легких кивков стала доставать из серванта чайный сервиз. Кроме сервиза в стеклянном шкафу было много интересных диковинок, и гости с удивлением их рассматривали. Во-первых, тут были чучела белки, крокодила и кобры, привезенные отцом из дальних путешествий в экзотические страны. Были также и корабль в бутылке и несколько миниатюрных статуэток Будды и пирамида. Больше всего Юля любила хрустального лебедя привезенного из командировки. Но его было трудно протирать от пыли, и сейчас он выглядел как-то устало и понуро.

Хозяйка слегка стеснялась своего старого и уже довольно сильно выцветшего сервиза, и, разливая чай, поглядывала на гостей.

– Так кто же наш пациент? Кого лечить? – решил начать разговор Гена.

– Если честно, то я не знаю, – поджала губы Юля. – Со мной вчера связалась в чате какая-то девушка и попросили помочь связаться с Андреевичем, а сегодня... Ну вы и сами знаете...

– Да уж... Но ты же знаешь, что Андреевич больше не занимается практической психологией. Это у него после того случая как двое его пациентов перерезали себе вены.

– Да? Не слышала. Можешь рассказать поподробнее?

– Ну... Вообще-то это довольно большой секрет, но об этом знают очень многие... – замялся Гена.

– Сказал А, говори и Б, – Юле было интересно услышать что-то новое про старого препода. Большая часть историй о нем была почти легендами. Жил он один и мало с кем общался. И вот только с Геной старик шел на какой-то контакт, и нужно было вытянуть у Гены все.

– Ну... Ты знаешь, АА был довольно известным психологом и много людей хотели получить его консультации и помощь. У него когда-то даже была своя практика. Кстати, часть его работы по ассоциативным расстройствам была даже использована в учебнике. Ну, так вот, к нему в то время пришла пара студентов, которым родители запретили пожениться. И через какое-то время они вдвоем покончили с собой. АА с ними общался в то время, давал советы и потому не смог простить себе того, что не обнаружил опасных симптомов. Он бросил свой институт, и только три года назад его смогли вернуть к преподаванию. Мы с ним про это говорили только один раз. Тогда он показал мне записку. Там было только одно слово – «Простите». Это была записка от той пары, и АА всегда носит ее с собой в медальоне. Больше я про его жизнь не стал спрашивать.

– Я слышала, что чтобы близко к сердцу не принимать тяжелые случаи со своими пациентами, психологи проходят специальную подготовку, и стараются действовать по анкете, чтобы исключить воздействие на себя и на свою психику. Но если не вникать в суть проблемы, то будет сложно разобраться в сложных ситуациях и стать хорошим психологом. А копаясь в психике человека, все равно приходится сравнивать состояния пациента с собой как эталоном личности, и тут обязательно происходит отождествление. Влияние пациента на психолога порой не меньше чем обратное. – Анжелика слегка стеснялась и выглядела смущенной, разговаривая с кем-то кроме Гены.

– Да уж... это очень... интересно. Видно вы с ним стали близкими друзьями? – Юлю очень тронула эта Ромео-Джюльетовская история.

– Да не то чтобы друзьями. Дело в том, что в наш институт я поступил только из-за него. Мой отец тоже довольно успешный психолог, и когда он узнал, кто будет преподавать, настоял, чтобы я поступал именно сюда. Ну, а так как единственный, с кем он мог вести высокообразованную беседу... – на последней фразе Гена запнулся, под влиянием уничтожающего взгляда обеих девушек.

– Ладно, профессор. Раз ты так хорошо знаком с работами препода, расскажи и нам о его трудах по диссоциативным расстройствам. – Юля решила не терять времени, ведь в любой момент УА могла выйти на связь, и ей хотелось хотя бы что-то полезное сообщить и хоть как-то помочь.

– Ну... Вообще-то, я не много читал по этой теме. В кругах врачей пациентов с таким состоянием даже считают трофеями и перепродают. Дело в том, что это редкие психологические расстройства. Оно чем-то схоже с амнезией, но на глубоком сознательном и подсознательном уровне. Человек в таком состоянии теряет часть себя, – как память, так и другие элементы личности. Такие расстройства в отличие от обычных болезней вызваны сильными душевными травмами. Можно даже сказать что это болезнь души. Различают несколько видов таких расстройств. Во-первых, это может быть раздвоение личности. Во-вторых, амнезия. Там есть еще разделения на виды раздвоений и типы амнезии, но факт в том, что это все связано вместе. Анатолий Андреевич писал в своей работе, что это осознанное отторжение психики, что-то схожее с предохранительным клапаном, который человек воздвигает внутри себя, чтобы избавиться от сильнейших страданий.

– Интересно. И какие же методы лечения? – необычная новая информация заинтересовала и заинтриговала Юлю.

– Ну, скажем, так... персональные. Такие расстройства не обусловлены соматическими, неврологическими заболеваниями, воздействием психоактивного вещества, не являются частью другого психического расстройства. Поэтому причины таких расстройств нужно искать не в физиологии человека, а в событиях вызвавших это нарушение. И постепенно и аккуратно подготовить человека к встрече с воспоминаниями или событиями вызвавшими болезнь. Кстати одним из способов лечения является гипноз.

– Гена даже курсы гипноза посещал, – улыбнувшись, сообщила Анжелика, и влюбленно глянула в его сторону.

– Ну, курсы то посещал, но, кроме как на курсах, попрактиковаться так и не приходилось. Никто не соглашается, чтобы в его мыслях копались чужие люди. Да и чтобы этим заниматься, нужно самому быть «в форме». Если болеешь или у тебя какая-то тревога, то сеанс может не получиться. С психикой нужно быть очень осторожным, – слегка напыщенно заявил Гена.

Минутка затишья в разговоре давала собраться с мыслями, но чем больше она затягивалась, тем неуютнее чувствуют себя собеседники.

Гена встал и подошел к единственному островку современности в комнате – компьютеру.

– Мы ждем связи через чат? – спросил Гена, шарясь мышкой по рабочему столу. Юле такая бесцеремонность показалась чересчур наглой, и она стала отбирать мышь.

– Да ладно тебе, – улыбнулся Гена, – ты же не хранишь у себя тонны порнухи на компе.

– Все может быть. У девушек свои тайны, – сказала Юля и, двинув Гену в ребра, отобрала мышь. – И сначала надо спросить у хозяйки, а потом делать то, что тебе вздумается.

– А можно? – наивно и нагло спросил Гена. От своей значимости в общем деле у парня зашкаливало крышу.

– Можно. Только не лазь у меня по компу. Вот я могу тебе показать свой чар в Линеijke. Кстати на официале, – сообщила Юля и быстренько, чтобы Гена не успел залезть в ее личные папки, запустила игру.

По экрану поплыла символическая заставка с красивым и статным парнем в рельефной броне и с пылающим мечом его роста. Юля быстро пробежалась по клавиатуре, и, введя пароль, выбрала своего любимого персонажа – темного эльфа-мага.

– Вот. Я уже взяла вторую профессию и меня даже приняли в клан Sebastian. На выходных мы ходили на рейдового боса. Собрали дропа на 18 лямов. Мне, правда, только 800 К отсыпали. Мне как раз на сапог не хватало. Такс... Сейчас посмотрим... – Юля почти улеглась на Гену, все больше всасываясь в игру.

– Мне Не нравится Линеijke, – резко встав, заявил Гена. – Здесь нет ничего реального, одна фантазия. Другое дело моя РФ. Вот там настоящий драйв. Там, в отличие от Линеijke, все четко и понятно... а какая легенда! Закачаешься! Ты только послушай – на Землю попал инопланетный кристалл, и стал плодиться, в свою очередь этот...

Разгоряченные спорщики услышали сзади тихий плачь. Обернувшись, они увидели, как по лицу Анжелики течет целый ручей слез. Огромные капли падали на руки сложенные на коленях и разбиваясь на тысячи осколков, ослепительно вспыхивали в глазах спорщиков.

– Что с ней? – Юля явно не могла понять причину такой реакции.

– Дело в том, что она не может долго работать за компьютером. У нее сложная форма эпилепсии, и от любой яркой графики может начаться приступ, – пояснил Гена, и они вместе с Юлей соболезнующее посмотрели на Анжелику.

– Вы... вы... мне совсем не обидно быть единственной ... зрячей в царстве слепых... – Анжелика посмотрела на ребят и сквозь всхлипы пояснила. – Вы... я столько наблюдаю за ... Генкой. И ты ... ты, Юля, такая же. Мне жаль вас. Сколько времени вы тратите на эту ерунду? Зачем это вам нужно? В этом нет смысла. Вы не делаете ничего полезного. Вы только занимаете себя всякой ерундой.

– Ну не говори так, там много людей, мы с ними общаемся, находим общие интересы, – расстроено начал Гена.

– Какие интересы? Мочить ненастоящих монстров? Покупать ненастоящие предметы?

– Ну, я, например, получаю от игры удовольствие. Я своими усилиями могу стать важным членом группы, и вообще это мне дает расслабиться и почувствовать свою значимость и свои возможности.

Юля честно пыталась пояснить свою точку зрения Анжелике, которая никогда не ходила за артефактами, не убивала в рейде боссов и не штурмовала замок города.

– Какую значимость? Какие друзья? Вы что? Не понимает? Это все не настоящее. Вы спрятались в этот свой маленький мирок, где все просто и легко, где самое страшное, что может с вами произойти, – это воскрешение в другом месте. Вы совсем погружаетесь в этот мир и ничего и никого вокруг не замечаете. Я каждый день захожу к Гене, и бывает порой, что он просто на просто меня не замечает, и я так и ухожу. Вы уже боитесь реального мира, вы не можете в нем находиться. Вы, как тот маленький котенок, который сидит под дождем в картонной коробке спиной к миру. Вы тычетесь носом в свои мониторы – картонные коробки – и стараетесь не замечать всего, что происходит позади вас, во всем этом огромном и страшном для вас мире. Вам придумали эти удобства и это занятие, чтобы вас можно было контролировать. Чтобы у вас не было времени оглядеться и подумать над чем-то важным. И это затягивает вас. Своими яркими огнями и красивыми картинками. Но что это имеет за собой? Это не настоящее. Это нолики и единички, и такого, как вы и ваш персонаж... персонаж... это ИГРА! ... – опять зарыдала Анжелика, – и вы там проживаете свою жизнь.

Юля уже протягивала стакан воды, а Гена нежно вытирал слезы платком с лица и рук девушки. Спорщики переглянулись и совестно потупили взгляд.

– А представьте, сколько вас таких? Сколько таких умных и интересных повернулось в угол коробки? Сколько полезного вы могли бы,... сколько важного... Гена ты ведь можешь стать большим специалистом. Зачем тебе это?

Парень молчал и лишь изредка поглядывал на девушку. Любые слова были глупы, любые оправдания... своей слабости. Анжелике явно нужно было успокоиться, и он положил ей на колени руки и пытался заглянуть в глаза.

Юля отошла выключить игру, вызвавшую такой вихрь страсти, но вдруг обратила внимание, что какой-то мечник в ... броне и с кровавым мечом в руках бежит вокруг ее персонажа кругами.

– Привет Юля это YA!

– Привет Юля это YA!

– Привет Юля это YA!

– Привет Юля это YA! – сыпались личные сообщения в чате.

– Привет! Не ожидала тебя встретить здесь, – YA резко остановилась и поклонилась, а потом стала выписывать смешные танцевальные Па.

– Как там с нашим делом? – персонаж сел напротив, явно желая продолжить беседу.

– Ребята! Кажется, наша YA вышла на связь. – Юля краем глаза заметила, что Гена обнял Анжелику и что-то шепчет ей на ухо.

– Связалась с AA? – броня на YA была самой лучшей, которую можно придумать, а значок одного из самых сильнейших и безжалостных кланов держал на расстоянии непрошенных нубов.

– Ты еще не знаешь? Емельяновича утром машина сбила. Его увезли на скорой в сопровождении с AA, и мы пока еще не знаем, как он и что с ним, и не могли ни с кем связаться, – Юле было неприятно сообщать плохие новости.

– Гррр... – мечник резко встал и, сделав пару взмахов мечом, «уронил» двух подбежавших орков. В третьего нападающего эльфа YA кинула какое-то заклинание, – и медик группы замерз. YA подошла и разрубила пополам последнего из нападающих. – Так ты с ним свяжешься?

Юля разглядывала легендарный кровавый меч, который был один на всю игру. Такой меч можно добыть, только если ты убил его предыдущего владельца, и сила меча растет от количества убитых им игроков. Наверняка на данный момент YA уже успела им набить больше ста фрагов.

– Обязательно. Только именно АА ли для тебя больше всего нужен? Тут со мной, один мой одноклассник, – случайно увидел твою СМС. Он наш друг, и будет помогать в решении твоей проблемы. Для него большая честь и большая удача иметь возможность ... помочь ... он лучший ученик АА и Емели.

Экран ЗАМОЛЧАЛ. Значок участника чата погас. Зажегся значок, что чат аннулирован. Ребята посидели перед затихшим чатом...

– Не ответила, – констатировал Генка. – Или связь барахлит, или она мне не поверила.

– А с какого перепугу она должна была бы тебе поверить? – Юля взмахнула руками.

– Да я не в обиде. Просто хотел помочь тебе, – Гена встал со стула и потянулся. – Ну, мы тогда пошли?

– Ребята, спасибо. И извините. Вас проводить?

– Не надо, – вступила в разговор Анжелика, уже одевая сапожки. – Не извиняйся. Дело не в тебе.

– Ладно, пока...

Олег. Туннели Острова. 001

Белый снег не растаял, обнажая печальную серую слякоть. Большие подмерзшие лужи в соседстве от входа веяли холодом, грязной серостью и тоской. Я стоял и тупо смотрел на них. Колючие мелкие снежинки медленно оседали на поверхность еще не запорошенного снегом асфальта... Или как называется то покрытие? Похоже на асфальт, – такой же серый и унылый, – но только более гладкое... Ветра не было, и снежинки, как будто от моего дыхания, слегка перекачивались прямо по ... асфальту?... попадая и не попадая на поверхность льда этих замерзших луж.

Из рта выходил небольшой столб пара от дыхания и быстро таял в нескольких сантиметрах от лица. Снежинки, попадая на лицо, сначала кололи своим холодом, а потом мгновенно таяли. Хотелось отмахнуться от них, – но бесполезно: «отгонишь» одних – тут же прилетят другие... На поверхности серой перчатки они выглядели маленькими белыми-белыми кристалликами, – и почти сразу таяли, превращаясь в такие же маленькие капельки воды. Видимо, поверхность перчатки источала достаточно тепла, чтобы они не оставались на ее ворсинках. Мне не видно, – да и зеркала нет, – но скорее всего на моих волосах они ведут себя так же...

Я посмотрел на свою обувь, – единичные попадающие на глянцево-черную ровную поверхность туфель снежинки просто скатывались на лед под подошвой.

Мне не надоедало созерцать снежинки еще полчаса или более. Казалось, что окружающая меня тишина просто расслабила и околдовала меня своим саваном. Ни звуков, ни запахов, ни движения воздуха... Просто ТИШИНА. ПРОСТО ТИШИНА! И шепотом: «Просто тишина...»

Если бы такая тишина наступила и внутри меня, – это было бы просто сказочно. Погасить бурю страстей, чувств, эмоций... Я не скажу, что у меня перед глазами мелькали события последних дней, – нет(!), – но внутри меня было беспокойно. Снежинки своим неспешным полетом отвлекали, но не успокаивали имеющиеся мысли... Хотя нет, мыслей тоже не было. Я просто созерцал как бы броуновское движение снежинок, и ни о чем не думал. Но от этого тревога внутри не проходила, но и не усиливалась.

Природа молчала и самовыражалась начинающимся снегопадом, тусклым матовым светом вокруг меня, тишиной... Своеобразно гипнотизировала, затягивала на дно умиротворения, отождествлялась с миром и покоем.

Я поднял руку навстречу свету, хотя солнца не было видно, – и ничего не изменилось. Матово-белая тишина вокруг меня оставалась прозрачной и непроницаемой. Кричать я не решился, – да и зачем? Меня ничего не беспокоило, мне ничего не было надо. Я никого не хотел звать и видеть. Мне хватало этого марева из тишины и снежинок вокруг...

Нет, не вокруг, а впереди меня, – перед моими глазами впереди. Потому что, оглянувшись, я обнаружил, что стою не на открытом пространстве, а как бы в створе широченной трубы, уходящей за моей спиной куда-то вдаль и немного вниз. Ширина этой трубы была столь значительная, что я не рискнул даже грубо прикинуть, сколько моих ростков она может быть. Да и зачем мне это? – Я воспринял трубу как бы частью этой необъятной природы, частью мироздания. Типа: имеем то, что имеем. Зачем мне знать размеры снежинки, звезды, галактики?... Это знание что-то изменит в моей жизни, в моем внутреннем мире, в моем мироощущении? Ну – большая, ну – маленькая, ну... Разве количество долей миллиметра или сотен парсеков что-то может поменять, если я умер для самого себя? Любопытство? А чем оно должно для меня поддерживаться? Какими стремлениями? С чем сравнивать? С горем или с радостью?

– Снежинка-снежинка? Сколько ты вешишь и сколько тебе лет от рождения? Ах, ничего не вешишь или живешь только несколько мгновений? Мгновений от вечности или мгновений от

моей жизни? И ничего не вешишь от веса галактики или от веса атома водорода? – Я улыбнулся, и эта улыбка стала первым проявлением моей жизни.

Я снова оглянулся вокруг. Да, створ... Да, труба... Леня было даже подумать, зачем природа создала такую широкую трубу с идеально ровной поверхностью внутри. Ведь ничего не бывает в природе просто так, – всё создается для «чего-то» или «потому что». Ну, или «вследствие чего-то»... Хотя нет, не ровной. Нет, она ровная, в принципе, но эта ровная поверхность создана из бог знает, какого числа плит, – тоже не ровных, но таких огромных, что их длина внутри по ходу трубы явно превышала десяток моих ростков. И каждая плита имела какие-то одинаковые зазубрины на внутренней поверхности, как бы имеющие техногенные назначения. И вид эти плиты имели ну столь похожий, что искусственность их становилась очевидной, как и их количество. Ну не может природа создать даже бесконечное количество камешков гальки абсолютно похожих друг на друга по размеру, форме, весу и рисунку. Ну, не её это!

Рассматриваю... Зацепило внимание? Отвлекло от бездумного созерцания снега и тумана? Вот, – точно! – тумана, а не марева! Сколько же времени я разглядывал этот туман, если так замерз подбородок? Ведь по моим ощущениям нет ни холода, ни ветра. Руки в карманах не замерзли, а вот подбородок, – ну и немного щеки, – прохладой прихватило. Именно прохладой, а не холодом. Может быть, я стоял не долго, – просто потерял в тумане ощущение времени и реальности? Потрогал подбородок, щеки... Тепло касающихся рук принесло неописуемое приятное ощущение. А какой реальности? Где я в настоящее время? И как сюда попал? Что это за труба и что от нее ждать?

Так! Посыпались вопросы... Где искать на них ответы?

Выходить за ответами в туман под усиливающийся снегопад не хотелось, и я решил двигаться по трубе вглубь. Вряд ли в тумане я найду какие-то ответы, но вдруг начну мерзнуть. В таком случае сначала осмотреть эту трубу. В любом случае, если я умер ранее, и это ТА САМАЯ ТРУБА в потустороннюю загробную жизнь, то я ничего не теряю. Ну, не приобретаю, но и не теряю. Минутой раньше, или вечностью позже меня всё равно пригласят по ней пройти. И почему тогда труба в загробную жизнь так напоминает трубу городского коллектора или вентиляционную вытяжку? Правда, и для городского коллектора, как и для вентиляции, при своих размерах эта труба просто идеально чистая! – Парадокс.

И я пошел...

Я потер подбородок и щеки, и – пошел по трубе, потом немного пробежал для разнообразия, потом опять шел. Наклон постепенно стал увеличиваться, но я не обращал внимания на это. Несколько градусов на спуске не имеют принципиального значения. Вот если спуск станет сильно крутым, – тогда буду волноваться, а пока причины для волнений нет... Плиты, из которых была выложена поверхность трубы, были совершенно одинаковые и, как я успел разглядеть, идеально подогнаны друг к другу. Между ними не было ни зазоров, ни раковин, как я это ранее видел во время производственной практики на строительных объектах. Не было видно, чтобы они скреплялись между собой какими-то конструктивными или другими связующими элементами (например, цементом, как мы привыкли, или смолой), но при этом между ними не было нигде видно щели. Я не пробовал даже нагнуться и рассмотреть эти стыки, – зачем? Что это изменит? Просто шел и шел, больше стараясь прислушаться к внутренним ощущениям внутри самого себя...

Я задумался или просто расслабился, – и не заметил, как наклон уже некоторое время сильно увеличился, и мои ноги стали скользить по поверхности. Я решил остановиться и присмотреться, но... Вот удивительно, кто командует МОИМИ ногами, – я или какая-то сила свыше? – Они продолжали идти по трубе по всё более и более крутому спуску. СТОЙ! – Никакой реакции. Я постарался упасть на руки и зацепиться за поверхность, чтобы не начать скользить вниз... Упал... Но схватиться не за что! Меня постепенно стало сносить по спуску все

дальше и дальше. Это только в боевиках герой достает из кармана нож и втыкает его в бетон строения или базальт горы, а ниндзя или супергерой отстреливает на запястье или поясе крюк на тонком тросе и спасается, – но я к этим персонажам не имею никакого отношения. И потому не имею ни крюков на тросе, ни ножа в кармане. И потому уже не скольжу, а почти скатываюсь всё дальше и дальше.

Аллилуйя!... Мне более не надо ни думать, ни принимать решения, – я отдался в руки захватившей меня силе тяжести. И мне стало опять безразлично, что со мной происходит: падаю ли я или возношусь, проваливаюсь или качусь... Что изменится в мироздании, если меня не станет или я вознесусь? – Думаю, что ничего не изменится.

От ускоряющегося мелькания плиты слились в сплошной туман, как в окне поезда, мчащегося в туннеле со звуковой скоростью... Ага, это не труба, а туннель, – вот так правильнее...

Мне показалось, что скорость всё ускорялась и ускорялась, – я уже просто летел по воздуху, а не скользил по поверхности. Окружающая меня стена слилась в сплошной туман...

Опять туман, – **ОПЯТЬ ВОКРУГ МЕНЯ ТУМАН!**...

Я что же, увидел что-то не то, что должен был увидеть, или ступил на запретную территорию, что меня так понесло? Я не искал этот туннель, – я в нем пришел в себя!

ТОЧНО, ПРИШЕЛ В СЕБЯ!

А сейчас, я пришел в себя или опять не в себе?

От мелькания перед глазами мне стало плохо. Я закрыл глаза, и...

Чат-002. Новый контакт.

YA: – Привет! – высветилось снова сообщение чата.

Ю.Ш.: – Ты? – Строки чата не могут передать радость, которую испытала Юля.

YA: – Я Человек! – пришел гордый ответ.

Ю.Ш.: – Да помню я, знаю! Привет!

YA: – Привет. Узнала?

Ю.Ш.: – Мне трудно общаться инкогнито!!! Скажи хотя бы, учишься ли ты в мед?

YA: – Нет, не учусь. Но я же доказала, что я материально существую? Что не мираж и не прикол?

Ю.Ш.: – Доказала, доказала. СПАСИБО! От всей группы тебе спасибо. Куда уж материальнее!... Кто бы из шутников или призраков мог просто так столько бабла выкинуть чужим людям? Ты ж их никого не знаешь!...

YA: – И кто еще знает про источник денег?

Ю.Ш.: – Да нет, никто. Я тоже делала в группе «большие глаза» и ничего никому не говорила.

YA: – А Гене?

Ю.Ш.: – Ему тоже ничего не сказала, – если честно, то просто не успела. Просто он схватил мой телефон и прочитал твою смс-ку. А потом забыла... А ты, куда в первый раз исчезла?

YA: – Выпал из доступа весь сектор интернета, где вся Россия и Украина. На всю ночь! : -) Я не учусь в вашем институте, я просто ищу информацию, чтобы помочь моей матери.

Ю.Ш.: – Так ты из России пишешь?

YA: – Нет, просто была подключена в тот момент через серию российских серверов. Ты про «луковицу («ТОР») слышала что-нибудь?

Ю.Ш.: – Что-то слышала, но не помню точно. Гена мне рассказывал про какие-то цепочки серверов, но предупреждал, что «против лома есть прием другим ломом», – или как-то так.

YA: – Правильно говорил Гена. По мне тогда бабахнули не ломом, а тотальным отключением целого сектора. Значит, не смогли вычислить точно вход в систему.

Ю.Ш.: – А второй раз? Чего пропала?

YA: – Ну, а ты сама маленький ребенок? Мы же договорились, что ты будешь молчать обо мне, а ты притащила ухажера...

Ю.Ш.: – Да ладно тебе, ухажер!...

YA: – А чего он такими влюбленными глазами на тебя смотрел?

Ю.Ш.: – А как ты могла видеть?

YA: – А твоя веб-камера для чего?

Ю.Ш.: – Камера? А я и забыла, что она постоянно воткнута в мой комп. Гнездо расположено неудобно, потому включить-выключить трудно. Вот и работает постоянно.

YA: – Ясно, я так и подумала... Так как там травмированный?

Ю.Ш.: – Умер Емельяныч... Там еще и инсульт или тромбоз произошел в больнице...

YA: – У меня просьба. Давай не будем называть имена в разговоре.

Ю.Ш.: – А как тогда называть их?

YA: – Ну, например ВАА. Или ОВ.

Ю.Ш.: – ВАА понятно, а ОВ – это что?

YA: – Одинокый Волк. Это старое прозвище ВАА, – он же «Волков»! И полевой радиопозывной во время различных боевых конфликтов, в которых он принимал участие. ОВ – коротко и ясно. Не знающий этого позывного может и не заметить, что ВАА позвали, или подумает, что кто-то просто вздохнул в микрофон...

Ю.Ш.: – Так он воевал? Где? Когда? Он нам не рассказывал.

YA: – И не расскажет. Это было давно, и знают об этом только участники тех операций.

Ю.Ш.: – Вот это да!... ЗДОРОВО!... А по нему не скажешь...

YA: – Ты в первый раз назвала его дедушкой. Он что же, так плохо сохранился?

Ю.Ш.: – Да нет, мама говорила, что неплохо выглядит. Но для нас, – несносных девченок, – он даже в отцы нам с трудом годится. – Значит, дед! : –)

YA: – Что это?

Ю.Ш.: – Что?

YA: – Знаки препинания в конце последней фразы.

Ю.Ш.: – А, это... Это «смайл», «смайлик». Он должен передавать отношение к разговору или человеку во время чата. Поищи в википедии.

YA: – Ладно, понятно...

Ю.Ш.: – Так что там с матерью?

YA: – А что ты можешь рассказать про ВАА?

Ю.Ш.: – ОВ отличный врач, врач высшего профиля, много проработал и работает, очень много знает обо всех болезнях! Доверять можно!!! А что с мамой, что случилась, – поконкретней можно, у меня бабушка врач, может чем-то поможем?

YA: – Мать после смерти своего мужа – моего отца – ничего не помнит ни о себе, ни о нем, ни обо мне. Живет, как растение. Общается со мной и вообще окружающим миром только тогда, когда голодна или хочет пить. Мне кажется, что ничего не понимает вообще, – это только рефлекс. Обратиться не к кому, – вокруг только обезьяны. Потому и ищу пути дистанционного получения информации и помощи.

Ю.Ш.: – Я так поняла, что мы с тобой из одного города? Или из какого ты города? В твоём городе есть отличные врачи, что они говорят? А как много времени прошло после смерти отца? Как тебя звать? Ты пыталась говорить с мамой, показывала фотографии, какие-то истории из жизни? Если да, то какая реакция?

YA: – Все вопросы свалила в кучу?

Ю.Ш.: – Так получилось...

YA: – Ладно, зови меня Машей, если тебе это так уж очень надо. Только имей в виду, что это тоже не мое настоящее имя, – только для тебя.

Ю.Ш.: – Ну как хочешь...

YA: – Родилась в России, да. Жили также и в Украине. Но потом пришлось срочно уезжать, все бросить. Теперь я очень далеко... Это чужая страна. Врачи, – и вообще, кто-либо, – не должны со мной вообще общаться. Табу. Да я никого нигде и не знаю – мала была. Папа ушел в другой мир через 4 года после отъезда из СНГ. С тех пор я сама содержу семью. Матери показывала, что могла. – Ноль! Для нее это все ничего не значит: фото (бумага) – только шуршащая бумага, видео – мало, но что-то есть – мелькающие непонятные картинки. Звукозаписей от отца не осталось. Мой голос воспринимает так же, как и моя мартышка – только строгие или добрые интонации. Больше не понимает ни слов, ничего... В СНГ искала и ищу кое-кого из друзей отца, но, похоже, что они или ушли в подполье, или умерли ... А здесь, где живем, не лечат даже танцами, кореньями, непонятными молитвами... – Некому. Здесь кроме нас с мамой нет никого людей.

Ю.Ш.: – Если не секрет, то в какой стране живете? Давно переехала? Если тебе 18, то маме примерно около 40? ВАА очень хороший врач!!! Ты только у нас в городе ищешь, – но почему только у нас?

YA: – Пока не скажу, – я не знаю тебя. Скажу только одно: У нас сейчас ночь. Уехали из СССР-пространства 16-17 лет назад, много путешествовали с родителями, потом... Словом, потом отец умер... Оставил нам "кое-что" на жизнь, этого «кое-что» хватит на всю жизнь, если не играть в азартные игры по большой ставке. Есть еще кое-что, о чем никто не знает, но это

надо перевезти из Украины. Почему твой город? Так получилось. Я много хожу по инету, – чем еще заниматься? Случайно наткнулась на медиков, – раньше идея обратиться через сети не приходила. В твоём городе мало шансов, что меня здесь кто-то знает. Я точно знаю, что меня ищут... Но здесь я, вроде бы, нашла АА...

Ю.Ш.: – Я тебя не спрашиваю фамилию, адрес проживания, я просто хочу узнать страну. У меня есть знакомые, которые изучают растение, их лечебное действие, культуру разных стран! Что тебе надо привести с Украины? Я тебя прошу, не говори загадками! Ты можешь мне доверять, я очень хочу тебе помочь! Я знаю, что такое жить без отца (мой отец умер, когда мне было 3 года, мама больше замуж не выходила). Кто тебя ищет? Я нечего понять не могу! Вы от кого-то прячетесь?

YA: – Я – Маша – это для всех и имя, и отчество, и фамилия. Другого имени не будет. Страна – тропическая полоса Южной Америки. Я тоже в настоящее время зарабатываю на жизнь и не трогаю наследство, которое оставил он в этой стране, где мы находимся. Отец спрятал КЛАД, – назовем это так. Множество людей подозревает, что я знаю о его месте расположения. Потому и ищут меня, – да еще и как прямую наследницу. Они – причина бегства родителей из стран СНГ. ВАА мог бы мне помочь. И матери, и мне, – но если этот тот человек, которого я ищу. Меня пугает, что он указал столько мест работы и учебы. В те годы учиться сразу в 2-х институтах было невозможно. ПОЧЕМУ так написано? Или он кого-то тоже ищет? Кого? Зачем? Почему он оказался в таком маленьком городке. Что он там делает, если он так хорош? Я слежу своими программами за ним, – он очень не много времени проводит в инете. Да еще, похоже, что он это делает с нескольких компьютеров. Как простой врач может так много знать и уметь в информатике? Да еще и быть хорошим врачом? Кто из нас ошибается?

Ю.Ш.: – Извини, но ты ошибаешься! Он в институте работает второй год! Он очень много знает! Он работает также у нас в больнице! По поводу институтов, которые он закончил, я не знаю! Он приехал, кажется, из столицы в наш город! Я так поняла, что ты его знаешь? ТЫ к нему обращалась? Я не пойму, ты ищешь помощи или ты прячешься? ТЫ хочешь помочь маме? Кого ты боишься, если ты просто YaYga, кто тебя узнает?

YA: – Мне надо:

1. Вылечить мать.
2. Вернуть клад
3. Найти друга отца
4. Найти врагов отца и своих и отомстить
5. Найти брата отца.
6. Не засветиться перед врагами отца и просто жадными людьми.

У отца был друг, с которым они начинали много лет назад дружить и сотрудничать. Я хочу его найти и выполнить завещание отца по отношению к нему. Они жили по разным городам... Я всего не помню. Я не помню его отчества, но по имени и фамилии подходит. Вот только в инете таких сочетаний я нашла сотни тысяч.

Этого человека – ВАА – я наверняка не знаю, тот ли. Но он, если этот тот человек, он хорошо знал мою мать и думаю, смог бы мне помочь. Я не могу обратиться напрямую. Это может ему навредить.

Если он не тот, если он тоже ищет меня, – он меня тоже может вычислить. Что делать – не знаю. Мать из года в год все хуже...

Но если он приехал из столицы, – то это не тот человек. Тот ненавидел большие города столичного размаха. За это уже спасибо, Юля.

Ю.Ш.: – Маш, какие враги? Зачем мстить, успокойся! Почему ты не можешь обратиться к специалисту ВАА? Напиши ему, попроси о помощи. Что может ему навредить? А какие-то родственники еще есть?

YA: – Я и боюсь, и стесняюсь. Хорошо с тобой, – ты меня никогда не знала и не узнаешь. А если это тот человек, то он меня на руках и на плечах когда-то носил и катал. И мать знал красавицу, а не развалину, как сейчас, растение... Родных нет, к счастью. А на счет врагов... Ты знаешь, если у тебя есть только 1000\$, тогда у тебя есть только друзья, которые готовы пить и есть за твой счет. Если это на несколько порядков больше, – тогда все хотят у тебя это отнять.

Ю.Ш.: – Не называй маму, так, – растением, – она этого не заслуживает, чтобы дочка так ее называла. Все будет хорошо, я знаю и верю! Напиши нашему учителю, он должен помочь, спроси! Ему можно доверять!!! По поводу денег не волнуйся, напиши...

YA: – Лады. Он как раз щас на сайте. Помолись за меня.....

Ю.Ш.: – Удачи!!! Напишешь потом!

YA: – До связи!... Я ушла...

Олег. Полет. 002.

... Вроде бы глаза и не открыты, но я прекрасно вижу всё вокруг себя. Мама сидит за столом, и перебирает рис на клеенке... МАМА! Бог ты мой, как же давно я тебя не видел! Ты такая милая, такая красивая!... Ты самый прекрасный человек во Вселенной!..

– Ты уже собрался? – сзади за локоть меня взяла моя бабушка, – мамина мама...

– Да, я готов. Бабуля, я в город еду. Что-то надо? – Меня не оставляет ощущение, что я собрался ехать в театральную кассу за билетами себе и... кому-то очень дорогому мне, кроме моих дорогих родителей, человеку, который где-то незримо рядом. Меня не покидает ощущение желанности этой поездки в город и предвкушения радости последующей за ней потом радости от прикосновения к прекрасному, – театра, сцены, толпы в фойе...

– Ты когда вернешься? – мама не поднимала глаз от стола. – К обеду будешь?

Я наклоняюсь к маме, обнимаю ее со спины, целую в макушку головы, – благо, что она сидит на стуле и на много ниже выросшего выше нее старшего сына, – и чувствую запах ее волос... Такой милый, такой дорогой. Нет, ну конечно, много людей говорили мне, что новорожденные детки пахнут молоком, если их очень внимательно понюхать. И это объяснимо. Но запах волос матери охарактеризовать и описать просто невозможно. Это просто запах родного человека, которого любишь и бережешь...

– Мам, ты не волнуйся... Я приеду, хоть точно время не скажу.

Мама подняла голову и улыбнулась своей самой милой в мире улыбкой.

– Я буду тебя ждать, – и опять опустила глаза к клеенке.

– Мам, пообедайте без меня, если я не успею вернуться вовремя. Кстати, мам, я возьму вам билеты в театр, – сходите с папой. Я в кассе позвоню, согласую с вами, на какую вещь вам взять. Не будешь возражать?

– Бери, я с удовольствием пойду с папой. Какая разница, какой спектакль? Ты прав, мы что-то давно не были в театре... Когда вы подросли с братом и разъехались, мы как-то стали редко бывать в театре...

Чувство умиротворенности и умиления будто стало заволакивать туманом увиденную сценку с родными... Туманом времени, прошедшего после смерти бабушки и родителей... Я рванулся к ним и...

... и проснулся. И начал с закрытыми глазами рассуждать. Да, уж... Сон во сне... Или что это было? Прикосновение к прошлому? Но я никогда не покупал родителям билеты в театр, – это была прерогатива отца. Когда они были еще живы, было принято и хорошо ходить не только в театр, но и в кинотеатр.

Но мама, – милая мама, – сон или видения вызвали столь сильное ощущение прикосновения к прошлому, к любимому, к дорогому и далекому...

Мать сказала, что будет меня ждать... Это что? Призыв? Предсказание смерти? Предупреждение об опасности? Да ладно тебе купаться в мистике и притягивать к словам потусторонний смысл! А с другой стороны, мы во сне живы или мертвы? Да я и сам сейчас жив или где? Чувство боли и вины наполнило меня с ног до головы. Я всегда стремился создать своим близким зону комфорта, заботился о них. Вот только сложилось так, что никогда не жил с родителями, и потому они не попадали в эту зону комфорта. Я не создавал для них зону комфорта. И Я НИКОГДА НЕ ПОКУПАЛ РОДИТЕЛЯМ БИЛЕТЫ В ТЕАТР! В моей памяти, – кроме этого сна, – стерся запах волос моей матери!.. Если бы не фотографии разных лет, боюсь, что в моей памяти стерлись бы и улыбка, и внешность самой мамы в разные годы... Во сне я не оглянулся посмотреть в глаза бабушке, державшей сзади меня за локоть, и не знаю, где в тот

момент находился отец... Целый сонм мыслей и вопросов окружил мои чувства вперемешку с чувством вины перед родителями.

... Утро, я проснулся и с закрытыми глазами потянулся. Как будто спал в мягкой постели, – ничего не болело, на щеках и спине не было областей ночного сдавливания тканей тяжестью своего тела. Ноги и руки были отдохнувшие. Поясница и ягодицы ничего не ощущали... Что? Стоп? Как это не ощущали? А ветка, ствол? Я разлепил глаза и отчаянно замахал руками и ногами, стараясь за что-нибудь зацепиться. Ну, ничего себе! Я спал рядом с верхушкой дерева в горизонтальном положении, а кончиками свисающих облепивших меня плющей-лиан играла какая-то маленькая обезьянка. От моих размахиваний она отпрыгнула от меня и скрылась в недрах дерева.

Я быстро пришел в себя и понял, что выскользнул из ночных привязок, или они отцепились сами и теперь висели на мне, – и во сне я отплыл от ствола дерева на несколько метров в сторону и вверх. Я глянул вниз и охнул: подо мной была высота стандартной советской многоэтажки. Лепешка от меня после падения с такой высоты на земле должна была бы быть очень красочной. А учитывая еще и большое количество пеньков и сухих веток поваленных деревьев, – еще и выглядеть в виде дикобраза или гигантского ежика. Мне стало немного не по себе. Нет, неправда: мне стало **ОЧЕНЬ** не по себе!

Я совсем забыл все свои вчерашние упражнения и достижения по управлению своим телом в воздухе. Возможно, сказалось потрясение от просыпания на высоте. Или я не до конца еще проснулся?

Я оглянулся по сторонам и замер. В принципе, я с вечера выбрал самое высокой дерево, а теперь находился почти рядом с его верхушкой, и видно было далеко. С одной стороны открылась очень интересная картинка: островок в лагуне.

Что это: продолжение сна или новые видения?

Я сразу забыл о своем положении в пространстве, подтянулся руками за ветки к дереву и инстинктивно спрятался за его стволом. Можно подумать, что меня кто-то на таком расстоянии увидит... Увидеть столь маленькую точку, как я, на фоне леса на таком расстоянии без специального наблюдения и высококачественной оптики, думаю, просто невозможно. Ну, или с помощью висящего над головой дрона...

Я оглянулся по сторонам, – дронов не наблюдается. Да и откуда они тут возьмутся? Глухомань!...

Небольшой островок в центре лагуны, замеченный мной ранее с высоты и привлечший внимание, открылся не ближе, чем вчера. Пытаюсь разглядеть его подробнее. Надо бы подбраться поближе. Издалека это выглядит как бы типа микроскопического нестарого замка на острове, – скорее дачный вариант какого-то аристократа из «новых русских», чем пиратский притон. Видна башенка наблюдательного типа, имеющая обзор на все стороны света. Возможно выполняющая роль антенны, громоотвода, колокольни и бог знает чего еще. Там можно напичкать кучу следящей аппаратуры, можно заточить на высоте прекрасную плененную принцессу, а можно разводить голубей...

Э-э-эх! ...Разводить голубей... Как я мечтал в детстве о такой своей голубятне: самому разводить голубей!... Заходить в вольер или будку, слушать курлыканье пернатых друзей, вдыхать пещерный аромат из запахов помета, сухого корма, перьев... У меня обязательно были бы несколько любимчиков, которые сразу же садились бы мне на плечи, руки, заглядывали в глаза с близлежащих полок... Выгонять их всех на прогулку около будки или на крышу голубятни, свистеть (может быть тогда бы я, наконец-то, научился бы свистеть в 2 пальца или просто без

рук?...), подзывая или разгоняя их, махать круговыми движениями длинной палкой с тряпкой, чтобы эти сизые лентяи летали дольше, чем «взлет-посадка», т.к. без полетов, без физических нагрузок, они быстро зажируют и начнут болеть и умирать. Мне всегда очень хотелось, чтобы в моих любимцах был снежно белый голубь и нежная серая голубка с голубоватыми вкрапления в виде отдельных перьев. Потом задумчиво кормить любимых питомцев с рук и рассыпая корм по полу вольера, по земле, насыпая его в корыто. Хотелось сидеть с соседскими пацанами около голубятни на крыше или около будки во дворе, обсуждая преимущества разных пород, окрасов, возрастные особенности обучения почтовым навыкам... При этом гордо, и в то же время заботливо, наблюдая, куда садятся – на какие крыши – мои питомцы. Ходить по голубиным рядам птичьего рынка и присматриваться к разным чужим птицам, примеряя, как бы эта птичка смотрелась бы в моей стае...

Из года в год это оставалось только мечтой. Ну, скажите, как у городского мальчишки могут быть голуби и голубятня, если мальчик учится сразу в трёх (!!!) школах и едва успевает читать свои любимые приключенческие и фантастические повести и рассказы, – больше за счет отдыха и сна? Потом, живя в частном доме на окраине другого города, будучи уже взрослым человеком, я вспоминал о своем детском желании, я отказался до случая эту идею реализовать... Типа, «на старость» оставил... И вот теперь наблюдаю такую потенциально шикарную возможность для реализации такой детской мечты... Хотя, конечно, мать или жена давали бы мне чертей за птичий помет, который обязательно облеплял бы и башню, и другие строения, и дорожки вокруг дома. Да разве ж другие, – чужие, – птицы не стали бы всё облеплять тоже пометом? Просто выговаривали бы не за помет, а за то, что его надо убирать...

Более мелкие строения вокруг башни разглядеть с такого расстояния просто нереально. Надо подвигаться ближе.

Я стоял на толстой ветке дерева и думал, – полечу ли я сегодня, как летал вчера? СТРАШНОВАТО пробовать! Вчера я был как пьяный, – море по колено, – от собственной смелости и невозможности другого выбора. Куда я мог деться без страховки на такой высоте? – Только лететь!... Ладно, пробуем...

Я, не зажмуриваясь, сделал шаг в сторону от ветки и остался стоять «в пустоте». Точнее, в воздухе, – без опоры, без страховочных поясов и веревок. Я присел и попробовал потрогать «пол» под ногами, думая, что я стою на каком-то сверх прозрачном стекле или на каком-то магнитном поле, но рука на уровне подошв не встретила сопротивления и ушла ниже подошв. Что же это тогда за стекло или поле такое, если оно не задерживает руку и при этом держит вес тела? Или это на самом деле теперь свойство моего тела, – парить в пространстве без опоры?

Или я стал Ангелом? Ой, ну не смешите меня! Ангел во плоти... Ангельские крылья мне никто не выделял. Или это опять сон? Я ущипнул себя за руку – и взвыл от боли. Не сплю, – точно, не сплю!

Поймал себя на мысли, что я не испытываю чувства голода. Почему? Это уже как минимум более суток, как я помню себя с момента первой идентификации себя в облачном покрове. Голода и жажды я не испытывал ни вчера, ни сегодня. ПОЧЕМУ? Атрофия чувствительных рецепторов? Тогда почему я так многогранно ощущаю запахи леса? Почему я слышу шелканье и трели птиц в листве? Почему осязательные рецепторы продолжают работать, когда я прикасаюсь к листве, когда встаю на ветку дерева?

А сколько времени прошло с прошлой идентификации? В каком образе или амплуа я был в прошлой идентификации? Вот, блин, заладил: «идентификация» да «идентификация», – попроще этого слова и понятия ничего не придумал? Хотя бы сам для себя!... Для удобства... Хотя что тут придумаешь? «В прошлой жизни» вроде не подходит... «Вчера», – не

правильно... «Хрен знает когда» – не соответствует. «В прошлом сне» – а кто сказал, сон ли это был? И во сне ли я сейчас?

Ладно, оставим обсуждение на потом, когда другими делами будет невозможно заниматься, – есть более интересные занятия на сегодня.

Итак, – остров в лагуне. Привлекает внимание что-то типа маленькой пристани для малотоннажных суденышек и лодок. Значит, сообщение с другими берегами лагуны предусмотрено. Правда, лодок не видно. Но это не принципиально, – лодки дело наживное, их можно и спрятать в закрытые доки и ангары, и под раскидистыми деревьями. Нет грузовых (погрузка-разгрузка) приспособлений, – значит, ничего сверхтяжелого эти лодочки и суденышки не поставляют на островок, или имеют свои средства погрузки-разгрузки. Перегрузить ящики с шампанским или ананасами не проблема и руками команды судна. А вот строительные леса или железобетонные конструкции в виде балок или перекрытий – это совсем другое дело... Да даже бытовое оборудование, – например, кондиционеры, гоняющие достаточно большие объемы для больших помещений, – весят немало и вручную их таскать совсем неудобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.